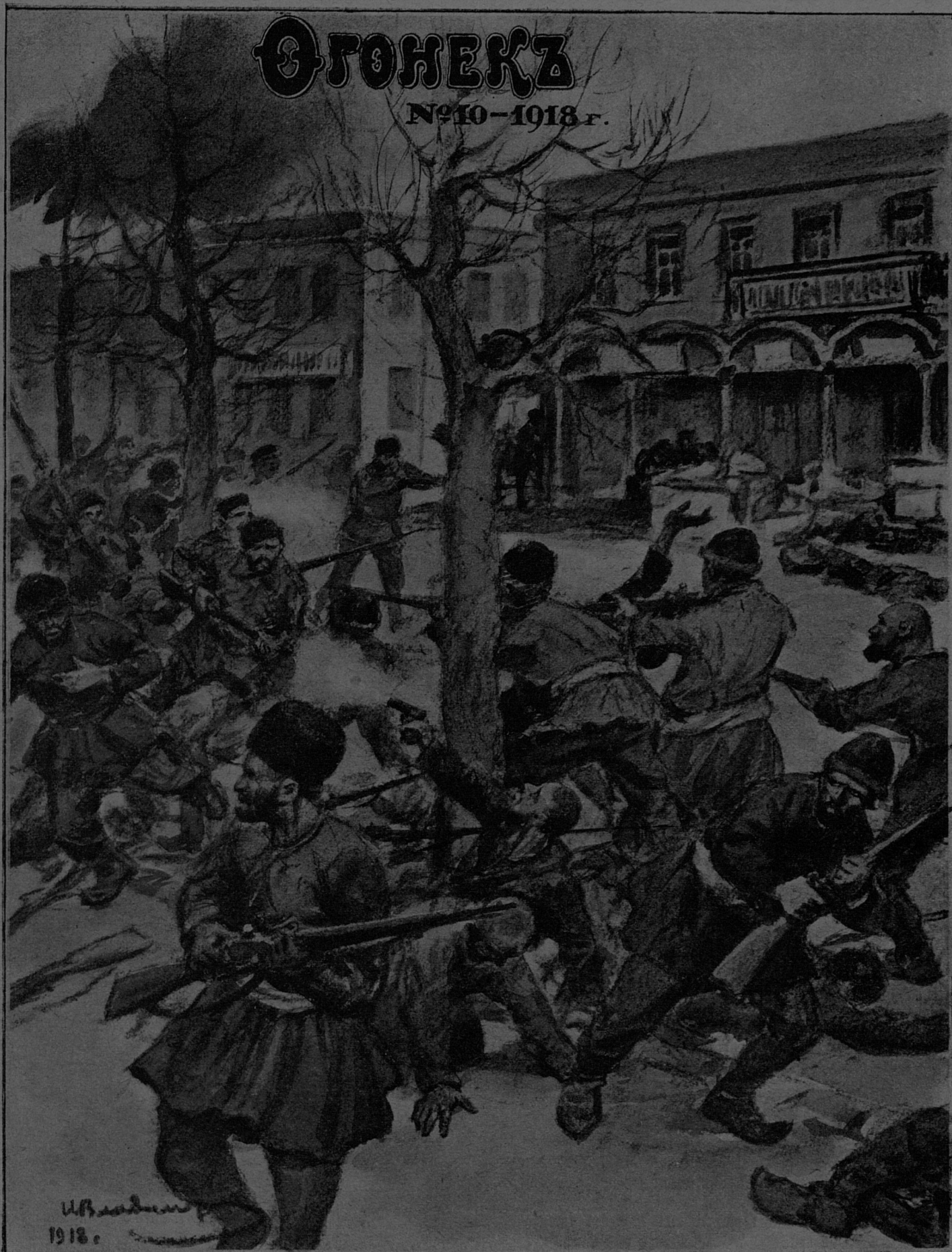

Огонекъ

№10-1918 г.

АРМЯНО-МУСУЛЬМАНСКАЯ РЪЗНЯ ВЪ БАКУ.

Рисунокъ худ. журнала „Огонекъ“ И. ВЛАДИМИРОВА.

О кошмарныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ мартъ и апрѣль въ Баку, на почвѣ извѣстной издавна національной вражды между армянскимъ и мусульманскимъ населеніемъ города, корреспондентъ „Раннего Утра“ передаетъ слѣдующія подробности:

„Началомъ бакинскаго раздора послужилъ сравнительно мелкій фактъ. Двѣ сотни коннаго мусульманскаго дивизіона, стоявшіе въ Баку, по возвращеніи съ похоронъ сына Тагіева, извѣстнаго бакинскаго миллионера, намѣревались съѣздить на пароходѣ. Въ этотъ моментъ явился советскій отрядъ и потребовалъ ихъ разоруженія. Мусульмане отъ аялись. По пароходу былъ открытъ огонь; шесть человѣкъ были убиты съ той и съ другой стороны. Всадники сдали оружіе. Но на другой день мусульмане потребовали отъ революціоннаго комитета возвращенія забраннаго оружія до шести часовъ вечера въ воскресенье. Однако, за 15 минутъ до окончанія срока раздалась провокаціонная выстрѣлы. Мусульмане бросились къ сараѣмъ казармъ и, обзоруживъ армянскій полкъ, захватили пулеметы и оружіе. Въ бой вступили находящіеся на морѣ суда каспійскаго флота „Ардаганъ“, „Карсъ“, „Красногорскъ“, и „Жандръ“ и по городу былъ открытъ огонь изъ морскихъ орудій. Советскія войска подкрѣпленные эшелонами русскихъ солдатъ, повели подъ командой офицеровъ наступленіе на мусульманскіе районы и быстро выбили мусульманъ.

Ночью начались пожары въ разныхъ мѣстахъ города. Сгорѣла восточная пристань, гдѣ стояли пароходы и персидскій базаръ. Цѣлая Базарная улица уничтожена со всѣми магазинами, лавками, амбарами и товарами. Убитыхъ не поддаются учету. Убитыхъ за воскресенье и понедѣльникъ насчитывается свыше 2 тысячъ, раненыхъ свыше 3 тысячъ. Пострадали, главнымъ образомъ, персы.

Въ 2 часа въ понедѣльникъ между мусульманами и военно-революціоннымъ комитетомъ былъ заключено перемиріе, но стрѣльба, убійства и поджоги продолжались до среды. Но и оно недолговѣчно; это лишь временная „передышка“. Мусульмане рѣшили отомстить при первомъ случаѣ армянамъ“.

ВЫДАЧА „ОГОНЬКА“ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ:

въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),

въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50

и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

Весенній очеркъ АВГУРА.

Наброски худ. М. АНДРЕЕВА.

мызь, гдѣ такъ методически перезваниваются колокольцы на упитанныхъ шеяхъ коровъ, гдѣ среди березъ солнце зажигаетъ розовые костры свѣта, гдѣ нѣтъ карточекъ, отравленнаго воздуха, палыхъ коней подъ окномъ съ выѣденными филейными вырѣзками и пирующими собаками.

Туда, гдѣ хлѣбъ, блескъ неба, неснятое молоко, привѣтливый лица, яичница — глазунья, посыпанная мелко настроганнымъ сыромъ... Нотамъ нѣмецъ.

Узнаемъ, какъ въ чертѣ нашихъ недавнихъ курортовъ нѣмецъ «навель порядки».

* *

Пріѣзжіе тоже рассказываютъ:

— Изумительно. Цѣны вдесятеро понижены. Нѣтъ мѣста въ Россіи, за исключеніемъ развѣ Алтая или Таврической губерніи, гдѣ такъ дешево было бы все и гдѣ по волшебной палочкѣ швабской «Цирцеи», какъ въ сказкѣ, изъ скудости рождено было такое обиліе. Мясо восемь гривенъ, картофель шесть копеекъ фунтъ, масло два цѣлковыхъ. Продукты у частныхъ лицъ

переписаны, но не отобраны. Но русскихъ не пускаютъ сюда.

Русскіе живо снова цѣны поднимаютъ, и мясо станетъ продаваться по десяти рублей, а вмѣсто молока стануть оплески изъ молочныхъ жбановъ по три цѣлковыхъ за кургузую бутылку продавать... Русскимъ «ферботень» въздъ!

Русскіе пріѣзжаютъ изъ заграницы съ оригинальнаго свойства жалобами:

— Выселили...

— Что-жъ! Дымъ отечества пріятнѣй...

Но сіи броненосные господа черствые къ тонкому дыму отечества, въ которомъ больше, впрочемъ, дыма ружейныхъ выстрѣловъ, огорченно машутъ рукой.

«...Ораніенбаумъ. Только что прикатилъ поѣздъ...»

— Тамъ жить можно...

— Да вы что: октябристъ?

Не октябристъ! — обижается тотъ, — не менѣ лѣвъ, чѣмъ вы, батенька, да кушать хочется... Эстляндія въ Балтикѣ какъ сыръ въ маслѣ катается. А тутъ... Эхъ!..

* *

Вы ходите по Морской. Со всѣхъ стѣнъ, какъ бѣльмо, на васъ упорно глядитъ, преслѣдуя своей бѣлизной, наклейка:

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Чаше и чаще теплымъ, волшебнымъ сапфиромъ зажигаются веселыя пятна въ небѣ.

Талыя кучи грязи и тѣ на питерскихъ улицахъ отражаютъ небесныя голубыя зеркала. Въ сизыхъ верхушкахъ деревь на Выборгскомъ шоссе суетятся и хрипло запываютъ свои весеннія пѣсни прилетныя пернатые концертанты.

Тремолируетъ задорно серебрянымъ своимъ голоскомъ ранній скворецъ.

Небо дымится вдаль; и пахучій запахъ бересты, курной и тихій, какъ росное плавленіе ладана, наполняетъ сердце — грустью, безпредметнымъ тоскованіемъ.

Хорошо бы улетѣть на нарядныхъ крылышкахъ зимородка туда, въ сторону сѣверныхъ

«...Изумительно. Цѣны вдесятеро понижены...»

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ОГОНЬКЪ
Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“

въ розничной продажѣ:

въ Петроградѣ 75 коп.

въ Петроградѣ 80 коп.

на ст. жел. дор. 85 коп.

Редакція „Огонька“

Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 10

Воскресенье, 12 мая (29 апрѣля) 1918 г.

№ 10

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ Л. ПАСЫНКОВА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМИРОВЪ.

лый вырѣзокъ, а учитель тамошней школы, большой любитель пчелъ, ставилъ для Іустина Петровича колоды и на зиму навѣшивалъ соломенные щитки. Нужно было

мокрой мраморной клеенкѣ, залитой пивомъ, какъ латунная крышка, нахлобученная на холодный самоваръ, какъ донышко слабо раскачивавшейся лампы.

Стеклянная стѣна, глядѣвшая на студеную Волгу, была затѣпена только тремя фигурами посѣтителей.

Я понялъ, что карты, которыми они такъ ожесточенно швыряются, принадлежатъ толстому кабатчику. За карты игроки платили по пятачку въ часъ, и хозяинъ довольно озабоченно поглядывалъ на свои карманные часы, величавой съ блюдечко изъ подъ кофейной чашки.

Скучно было сидѣть въ затхлой пивной комнатѣ. По полу, усыпанному опилками, бродили, постукивая меланхолически клювами и коготками, молодцы, цыплячьяго склада куры. Желтая курица спокойно и дѣловито склевывала съ выставленнаго изъ подъ ножки табурета сапога одного изъ игроковъ свѣжій навозъ и только отъ нѣкотораго страха прикрывала чувствительныя вѣки, полупрозрачныя, какъ парафиновая бумага.

За стеклами неслись, поднимая въ холодную, загадочную высь растрепанные перья тяжелыя, графитныя облака. Вотъ вотъ прольется обильный дождь.

Я расплатился и, унося на одеждѣ вонючее тепло и запахъ нагрѣтаго ламповаго керосина, вышелъ на холодъ.

Іустинъ Петровичъ явно запаздывалъ. Я пошелъ на конторку; и ея огоньки

Верстахъ въ пятнадцати отъ Рыбинска качается у берега на волжской тихой волнѣ конторка.

На высокомъ берегу чернѣетъ лѣсомъ и бѣлками среди нищихъ полей свѣтятся тусклыя болота.

Съ вечера съ Іустиномъ Петровичемъ мы встали съ высокаго, полногрудаго «самолета» и сразу остались въ дикомъ, пустомъ мѣстѣ. Зеркальныя окна каютъ, шелки занавѣсочекъ, бронзовыя стильныя люстры, поваръ съ бритой, синемалевою отъ выступающихъ волосковъ головой и въ бѣломъ поварскомъ кителѣ, пружинные диваны, запахъ перегрѣтаго пара въ машинѣ и отличной кухни—все это, съ ревомъ и въ серебряномъ плескѣ затихающей воды, унеслось вверхъ.

Свое дѣло Іустинъ Петровичъ, не спѣша, сдѣлалъ. Съѣздивъ на взгорье, потрясая по мокрымъ гатямъ, въ которыхъ отражалось низкое дымное, осеннее небо, а съ небомъ и колеса мужицкаго шарабана и чемоданчикъ мятой кожи. Верстахъ въ восьми онъ арендовалъ общин-

посмотрѣть, поговорить, распорядиться.

Пока Іустинъ Петровичъ отсутствовалъ, я пилъ чай, пахнувшій мутно брусничнымъ прѣлымъ листомъ, и ѣлъ поджаренную деревенскую, тощую свинину въ харчевнѣ, уткнувшейся подъ высокимъ взволокомъ у самой гати въ синія сосны, жестко и желѣзно гудѣвшія въ неспокойномъ, вѣтряномъ, непривѣтливомъ небѣ.

Мы возвращались съ ярмарки, изъ Нижняго. Послѣ дикаго гама въ «бразильскомъ павильонѣ», гдѣ гоготали жирный волжскія проститутки и пьяные продавцы, послѣ зыка въ китайскомъ и татарскомъ кварталахъ, гдѣ купцы заманивали покупателя, меня охватила на берегу нѣжная, нѣсколько тревожная тишина.

Съ удивленіемъ я глядѣлъ на толстаго, бородастаго хозяина харчевни въ выцвѣтшей бирюзовой рубахѣ, подхваченной скромнымъ ремешкомъ. Онъ стоялъ за стойкой такъ покойно, что его полусвѣвшая, круглая голова столь-же торжественно—недвижно отражалась въ

слабо маячили на мутномъ пологѣ рѣки.

Уже опускался на Волгу и поля вечеръ. На утро можно было ждать лютой погоды.

Небо закрасилось высоко и ярко всеми красными цвѣтами. Пожаромъ дымнымъ и страшнымъ, стояли теперь дождевыя облака въ небѣ, еле отражаясь въ рѣкѣ.

Матросъ съ конторки убиралъ весла съ беспокойно стучащихся носами лодокъ и ворчалъ подъ ность, вкуено по-пыхивая махоркой.

Въ крохотное окошечко его смѣхотворно-маленькой каютки тянулись изъ окна поникшіе отъ тяжкаго, надышаннаго воздуха цвѣтки герани.

Мнѣ стало грустно. Кругомъ горитъ гигантскимъ кустомъ сказочной герани полъ неба и такая упорная, острая свѣжость, щекоющая глубоко поздри, льется съ лона Волги и обонхъ береговъ песчаного и лѣсного, а здѣсь за окошечкомъ помираютъ цвѣточки, которымъ недостаетъ шепотки чистаго воздуха.

Я забрался съ ногами на клеенчатый диванъ, подъ расписание рейсовъ, подогнулъ колѣни, опустилъ усталую, ноющую голову на валикъ и попробовалъ задремать. Тихо и ритмически, съ пріятнымъ всхлипываніемъ воды подъ щелкатымъ поломъ, вздымалась конторка. Меня баюкало и сонъ подкрадывался къ глазамъ, но довольно было бѣгло взглянуть на красное, насушившееся небо, чтобы тревожное чувство снова прогнало сонъ...

Такъ я помаялся съ часокъ. На взгорѣхъ запыли, наконецъ, оси тарантаса и залопотали говорливо колеса.

— Ну-съ, вотъ и мы—сказалъ мой спутникъ, помахивая бѣлымъ, позднимъ по осеннему времени картузомъ,—маленько припоздалъ, за то дѣло сдѣлалъ. Пчелы у меня—молодцы. Вотъ тутъ въ баночкѣ медокъ. Сейчасъ съ чаемъ его ликвидируемъ. И земли и много присочинилъ. Крестыяне здѣсь на землѣ не очень за-снживаются,—на промыслы тянетъ... Пойдемъ въ харчевню!

— Тамъ душно!

— Тогда здѣсь чай разопьемъ. У матросовъ всегда самовары въ запасѣ. Эй дядя!.. Подъ ка, милый, сюда. Взулгачь намъ самоварнико и стаканы собери. Два стакана найдется?

— А какъ не пайтись. А вы съ ночнымъ?

— Такъ вамъ еще безъ малаго часовъ девять тутъ дожидаться. Вамъ куда самоваръ,—въ «классъ»?..

— Тащи сюда.

Иустинъ Петровичъ человекъ живой, цыганскаго облика. Одна щека немного дергается—и странное дѣло это не искажаетъ его красивое, втянутое, темно-

кожее лицо, а даже какъ будто украшаетъ.

Онъ щуритъ бѣлосые глаза, помахиваетъ майскимъ картузикомъ, словно окатывая себя изъ картуза, какъ изъ ковшика, воздухомъ...

Поскрипѣлъ лаковыми узкими сапогами, подергалъ пораженной щекой, покрутилъ темный вытянутый усъ, почесалъ соображающе въ бородачѣ...

— Да хорошее дѣло.

Я подумалъ, что его занимаютъ еще пчелы и лѣсъ на горѣ.

Но онъ и ся.

Онъ глядѣлъ на красную, заревую рѣку вспоминающее.

— Да тутъ просторно и хорошо,—согласился я.

Сталъ рядомъ съ Иустиномъ Петровичемъ у окна и взглянулъ на рѣку,

«...Скучно было сидѣть въ затхлой пивной комнатѣ...»

теперь очистившуюся отъ тумана. Волга была чиста и вся словно отчеркнутая свѣтлой чертой водъ отъ берега.

Днемъ она была смутная, скучная, какъ дымящійся армякъ на мокрыхъ продроглыхъ мужицкихъ плечахъ, а теперь вся закрасилась и стала далекая, торжественная, въ таволожнхъ островкахъ съ запрокинутыми бѣгущими на горбахъ облаками.

Отъ баночки съ медомъ пахло полевыми травами и казалось, что такъ пахнетъ весь просторъ за тонкими бѣлыми дверками классной комнатенки, вся Волга.

— Другой такой рѣки не увидишь!—сказалъ я раздумчиво.

— Однако, вы ошибаетесь,—сказалъ, оживляясь, Иустинъ Петровичъ,—однако ато... что же... вродѣ болота. Есть рѣки... Тутъ, конечно, большое оживленіе. Людно... Отъ села къ селу переплывешь—ночью тащится пароходъ, а въ окна съ обонхъ бер-жковъ все огоньки глядятся... Иѣсть, это все же чепуха.

— Позвольте,—сказалъ я,—вы какія же рѣки видѣли, Миссисипи, что-ли?

— Зачѣмъ же... Однако, Лену видать. Вотъ—рѣка. Ахъ, рѣка... упоеніе.

— Да, рѣка хорошая. Я мелькомъ видать.

— Пѣтъ, вы, позвольте... однако, вы не мелькомъ, а взоромъ окиньте и проникнитесь. Надо проѣхать отъ края до края... Да не на пароходѣ, а на паузкѣ, скажемъ, или на карбазѣ какомъ... На посудинѣ—вотъ какъ надо!..

Матросъ, закинувъ отъ горячаго, обжигающаго пара, выцвѣтшую на солнцѣ бурую, медвѣжьяго цвѣта бороду, внесъ фыркающій, сопящій, плюющійся самоваръ и поставилъ его на подоконникъ, отчего стекла разомъ занесло паромъ, то сползающимъ, то снова набѣгающимъ.

Внесъ матросъ и столикъ, покрытый свѣжей суровой скатертью.

Иустинъ Петровичъ долго мылъ стаканы, протиравъ ихъ съ уютной заботливостью дорожнаго человека, а потомъ заварилъ чай и, подержавъ на конфоркѣ, заботливо разлилъ по сверкающимъ въ потемкахъ стаканамъ.

Мы заговорили о дѣлахъ, о ярмаркѣ,—но видать было, что Иустину Петровичу неможется: хочется рассказать о Ленѣ. Такъ оно и было.

— Вотъ,—началъ онъ нѣсколько несвязно,—не знаю, рассказывалъ ли вамъ о холерѣ въ нашемъ градѣ? Какъ мы за шампанскимъ по Ленѣ мотались?

— Пѣтъ не рассказывали!

— Въ такомъ разѣ... Это очень любопытно. Выслушать мало. Я рассказчикъ плохой и невнятный. А надо бы самому. Такъ вотъ оно какъ приключилось. Мнѣ было тогда... Лѣтовъ не упомяну, однако, на достаточномъ возрастѣ, лѣтъ девинадцати. Усы въ небо накручивалъ, а дѣвущкамъ отъ меня, амбичу, скрутно приходило. Да, много воды съ той поры утекло, много съ... Помотало меня по землѣ. Такъ вотъ, въ городѣ Якутскѣ жилъ я при своей фамиліи, при родителяхъ, значить. Жили мы славно.

Батюшка, царствіе ему небесное, и матушка, со святыми ихнюю душеньку упокой, были почитай первыми людьми на весь нашъ городокъ. Дѣло, разумѣется, не въ капиталахъ, а въ почетѣ. Мѣста у насъ—глухія и необразованныя. Батюшка дружбу,—даромъ, что мѣховщикъ,—свелъ съ сѣльными и миссіонерами, о. Намфиломъ. Любилъ онъ науку, а прозябаніе отвергалъ-съ. Пить—николи не пилъ, табаку, какъ и я вотъ, не потреблялъ, а все больше въ сторону книги поглядывалъ.

Густинь Петрович отпилъ обжигающего ароматнаго чая и живѣй заговорилъ:

Только глаза отъ усталости заведу, а маминка какъ есть предо мной—вся синяя, въ куриной кожицѣ, страшная...

Господи, спаси и сохрани. За что, Господи? Ты же маменьку мою выискалъ, плодомъ радостнымъ и свѣтлымъ одарилъ, однако...

Густинь Петровичъ въ волненіи отодвинулъ блюдечко съ паромъ, поднимавшимся съ пустыхъ стѣнокъ. Чай допилъ и паръ крутился тихо надъ сельфериновыми прозапами на фаянсѣ.

— Летѣли, какъ дикій олень по тундрѣ отъ настигающаго якута-звѣробоя... Да-съ, штука была. «Смолка» тряслась, словно бы отъ нетерпѣнія; кожухи только вѣтеръ похватывалъ и звенѣли, какъ колокола, въ которыхъ только бить биломъ-то не престали... Страшенно бѣжали по рѣкѣ.

А все-таки — замѣчу — не могъ не любоваться рѣкой. Боже, что за просторъ такой, за прелесть такая!... Зеркало на сотни верстѣ.

Плыветъ паузокъ, и весь до мочежинки въ водѣ отраженъ исполна. Багульникъ съ бережковъ засинѣвшихъ бѣлый, восковой цвѣтъ показывается, запахъ дуряющій роняетъ... Съ того времени не могу пить сѣвернаго нашего

рега — цвѣты на торфахъ, а позади мохнатые деревья въ тоненькихъ корняхъ, присосками ихъ у насъ зовутъ. По полою водѣ деревья, смотря по водѣ, въ вышину ихъ изъ коры выпускаютъ а потомъ на суши все лѣто стоятъ надъ Леной въ такихъ бурнусикахъ изъ корней — присосочковъ. По вечерамъ, какъ мохнатые великаны, на рѣку глядятъ, на свѣтлый фарватеръ. Хорошо!

А только заведу глаза — сейчасъ маменька предстаютъ. Рѣка покой несетъ, а сердце бунтуетъ.

Дорога то долгая; мало ли въ головѣ перевернешь мыслишекъ.

Ужъ и такъ я мостился у машинъ. Старался на рѣку не смотрѣть и бурю въ себѣ поддерживать, чувство мое горькое.

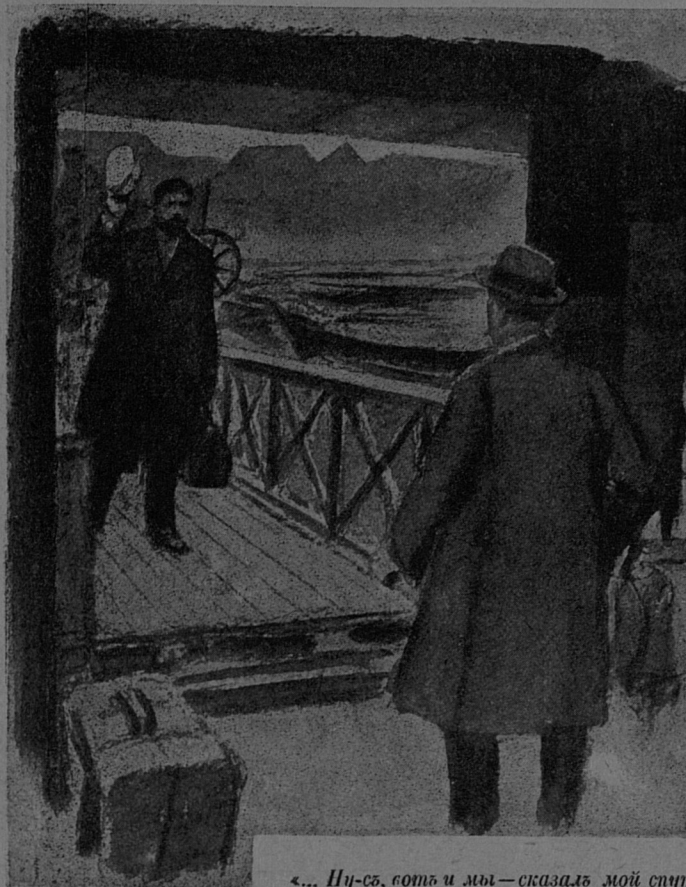
Ребеночка рожала въ мукахъ, а тутъ на муку — другая мука. За что же? Вынесги ли ей, слабой женщины?! Земному врачу помочь-ли ей въ такой бѣдѣ?!.. Думаю такъ, а нѣтъ, нѣтъ и на Лену взгляну — и какъ взгляну, такъ, вѣрите ли, все во мнѣ утихнетъ, заспокоится.

«Человѣкъ тѣнѣ и чепуха... что такое вѣкъ нашъ земной!» — вотъ какія мысли въ голову засіпаютъ, — я маменьку жалѣть примусь, а поспляжу на рѣку, и все забуду. Гдѣ такая ширь еще бываетъ, чтобы все горе изъ сердца изсасывала?

Тайга дымитъ; деревья въ бурнусикахъ бѣгутъ; медвѣжьи заломы издали паутиной сѣрбуютъ.

А ночь высыпетъ на потемнѣвшее небо полную плетушку, сударь мой, звѣздъ и вся вода въ Ленѣ украсится зелеными точками да красными — тѣми, что съ дымомъ изъ трубъ вылетаютъ, сверкая раскаленной золой...

Далеко — подъ звѣздами — сверкаютъ синѣяныя лысинки борововъ, горюхъ великихъ. За сизой тайгой, воющей отъ ночного вѣтра, тоже звѣзды и въ глушинѣ снѣгъ, никогда и въ лѣто не

«... Ну-съ, вотъ и мы — сказалъ мой спутникъ, помахивая бѣлымъ, позднимъ по осеннему времени калитозомъ...»

— Случилась у насъ нѣкимъ лѣтомъ холера... Кто ее къ намъ достигнулъ, не понять было. Однако, пришлось серьезно развѣдываться.

Сколько то якутовъ на выселкахъ перемерло. Зашаманили, въ бубны ударили, заплакали. Ну, словомъ, невѣжество.

Какъ же мы въ семействѣ были напуганы, когда слегли маменька. Не близокъ путь до хорошаго, понимающаго доктора. Болѣзнь маменькина была безъ особыхъ, скажу вамъ, судорогъ, однако — мучительна и страшна. Вся посинѣла и пластомъ лежала въ жаркихъ перинахъ вся обложенная горячими бутылками. Жуть была въ томъ, что маменька были въ извѣстномъ женскомъ положеніи. Какъ тутъ рожать? И срокъ весь исполна будто вышелъ: быть бы мнѣ братцу или сестрицѣ, а тутъ вся такъ ослабѣли, что губой подернуть не могутъ.

Папенька орломъ, можно сказать, взвился — все, молъ, положу, всѣхъ капиталовъ рѣшусь, а тебѣ, Юстѣ, мать возвращу.

Сейчасъ онъ на пристань. Къ другу своему, Волчкову — пароходство имѣлъ, отличные пароходы. Такъ то, однако и такъ то. Озолочу.

— Мнѣ, — говорятъ онъ, Волчковъ, — твоего состоянія не нужно. А самолюбіе во мнѣ дружеское. Что бы я позволилъ тебѣ вдовымъ остаться — никогда! Бери пароходъ и распоряжайся. Ты мнѣ машину сожги, пароходъ «Смолку» потопи, а врача предоставь.

Расцѣловались и — меня на бортъ. Боже, какъ мы гнали!

«... Матросъ, закинувъ отъ горячаго, обжигающаго пара, выцѣпленную на солнцѣ бурю, медвѣжьимъ цвѣта бороду, внесъ фыркающій, соплящій, плюющійся самоваръ...»

пива, а потому не могу, что къ пиву цвѣтъ багульника примѣшивають...

Изогнется «Смолка» по широкому фарватеру, и видать съ недалекаго бе-

тающій. Къ полуночи комарь-язва затихъ и морозцемъ подернулась рѣчная волна.

Сижу, этакъ-то понурившись на задней палубѣ, на шканцахъ и чувствую

какъ подо мной гудить и трясется изне-
могшая машина. Еще немного наддать
ходу — и полетят олово, порветъ золот-
ники и разорветъ котель, хороня людей
съ пароходикомъ въ студеной Ленѣ.

А мнѣ — хоть бы что... Какъ закаме-
нѣлъ!

Глаза любятъ, а сердце молчитъ.
Мнѣ ни матери, ни себя не жалъ.

Не все ли равно — сколько жить.
Только пять минуточекъ на такой рѣкѣ
отдохнуть и — вотъ тебѣ исполна вся
прелесть житейская...

Приѣхалъ на мѣсто. Къ доктору являюсь.

На берегу очнулся отъ мечты, и меня
словно кипяткомъ обдало. Отъ стыда и
злости на себя весь трясусь.

Тороплю врача. Онъ выслушалъ и
такъ спокойно разспрашиваетъ. Нѣ-

— Рано, — говоритъ докторъ, — рано
изволите причитать. Дайте ножъ!

Я испугался и подаю ножъ. Глупъ
по молодости возраста былъ и такъ по-
лагалъ, что сейчасъ — операція. Однако,
посинѣлы уста съ у маменьки, какъ
говорится, отверзли и съ ложечки —
капъ... капъ...

Пѣна на холодныхъ устахъ вскипаетъ
какъ въ стаканѣ. Меня слеза прошибла.
Господи, неужели тутъ всей ея бѣд-
ной жизни конецъ.

Вспомнилъ Лену, медвѣжьи тропы,
тайгу безъ предѣла, деревья въ плащи-
кахъ...

Нѣтъ. тамъ своя жизнь, а тутъ своя.
Не сравнивать. Малъ человекъ, а и ему
положено свой срокъ до капельки, какъ
это вино шипучее, испить.

Какъ узнали въ городѣ, что маменька
съ шампанскаго оздоровила, — батюшки!

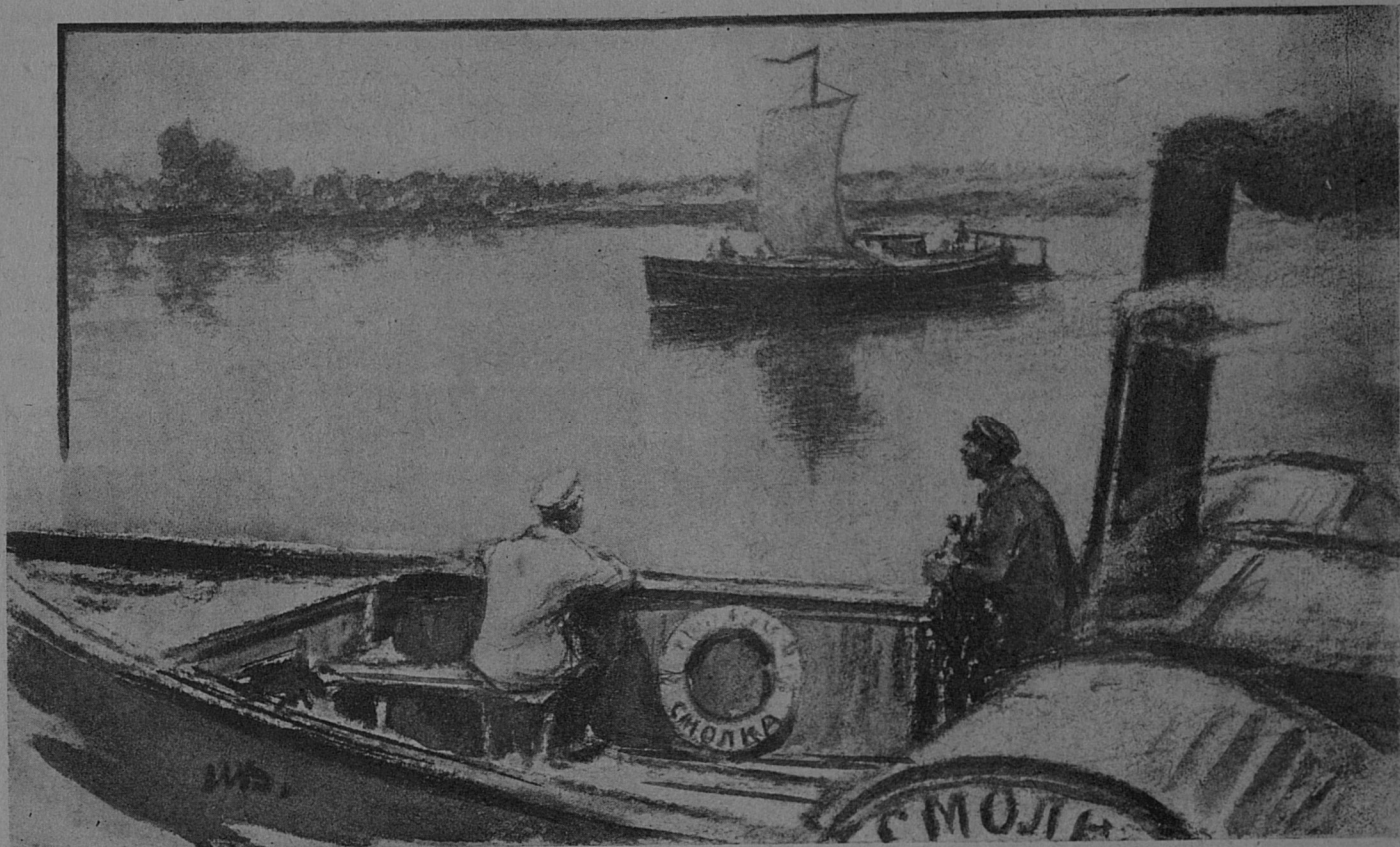
Подъ окномъ день толкутся. Кто съ
корчикомъ, кто, знаете, по сибирски, съ
плетушками, въ которомъ олени — самки
молоко закисаетъ, кто съ глазной ка-
пельницей: всѣ за шампанскимъ.

Каждому, язви его, лестно, родного
человѣка на ноги поставить... Ну, мы
этого добра не жалѣли.

Всѣмъ вино раздавали. Безъ нашихъ-
то ящичковъ, съ сухимъ и полусухимъ, —
такъ не мало бы народу перемерло.
Первое дѣло въ эпидемію шампанское...

Доктора мы не отпускали. Узналъ
онъ, что срокъ ребенку вышелъ и при-
задумался.

Слаба маменька была, чтобы выро-
дить. Начали ждать.

«... А все-таки — замѣчу — не могъ не любоваться рѣкой...»

сколько сутокъ обратно дѣроги — такъ
полчаса проводочки — не велика по-
теря.

— Вы, — говоритъ — молодой человекъ,
шампанскаго, сколько не жалѣете ку-
пите. Лучше въ эпидемію, какъ шам-
панское, не бываетъ: первое средство.

Кинулся въ магазины. Со всего го-
рода ящичковъ шесть скупилъ: сухое,
полусухое, съ игрой...

Докторъ на пароходѣ смѣется.

— Это вы ужъ слишкомъ. Я къ тому
сказалъ, чтобы слѣдомъ за вашей ма-
машей и другихъ попотчевать — съ ло-
жечки.

Не помню, какъ обратно вернулись.

Лежитъ маменька въ кроваткѣ — вся
синяя, зубы замкнула, вѣки посдвинула
и запахъ мертвый.

Глухая исповѣдь состоялась, свѣчи
зажжены.

Папенька головой качаютъ.

— Опоздалъ Юстыка — эхъ не слеталъ
орланомъ, не принесъ намъ счастья...

Опять затянулся ротъ и опять док-
торъ — ножикомъ, а потомъ — съ ло-
жечки.

Батюшка убираетъ свое, амуницію, и
ворчитъ:

— Кошунство, чтобы умирающаго че-
ловѣка спиртомъ накачивать!..

А докторъ свое замѣчаніе дѣлаетъ:

— Не смерть, отецъ честной, а жизнь.
Развѣ вы не понимаете, что она въ
кризисѣ? Тяжело ей... Теперь на по-
правку пойдетъ!

Къ утру маменька очнулись и за-
являютъ, собравъ къ постелькѣ семей-
ство:

— Помираю. Кто въ чемъ можетъ —
простите.

А намъ свѣтло и хорошо, улыбаемся.
Она плакать. Улыбки не поняла. Обидно,
что сочувствіе въ насъ потеряла.

Тутъ мы ей осторожно объяснили:

— Такъ то, молъ, маменька; были вы —
точно при смерти, а теперь — вамъ жить
и радоваться.

Усталыя онѣ, въ лицѣ ни кровиночки.

Сидитъ у окна въ креслѣ, вся
спальными подушками въ чистыхъ на-
волочкахъ обложенная. Головка на бокъ
свисаетъ.

И мы на нее, на маменьку, все со
страхомъ призираемъ. Давно бы ей
ребеночка укачивать. Недѣля бы ему
первая, можетъ вторая... А она и за-
была объ ребенкѣ-то. О томъ, что ма-
терью ей быть-то забыла.

Глядитъ въ окно на улицу. У насъ не
улица предъ нашимъ домомъ, а такъ-
вродь кривоколенного переулочка и всѣ
ходы — передъ окномъ.

По-перву еще много было шампан-
скаго, такъ мы его — чего жалѣть — пол-
ными супниками отпускали съ наказомъ —
весь болѣющий кварталъ обойти и всѣхъ
попользовать, а потомъ стали пригля-
дывать. Извѣстно.

Напитокъ однако лакомый, и какому
дураку взбредетъ — запросто его, за пель-
менами, испивать.

Стали доказательства требовать. Вё- рите-ли, холерныхъ подъ окно стали отовсюду сволокивать.

Его пучить, ноги сводить, весь сбрый, какъ бумага, своей личностью. А не- суют...

Старший нашъ при- казчикъ Анфиноге- новъ стоитъ на по- рожку и изъ жбана въ ложки разливаетъ.

Ужъ мы маменьку уговаривали. Нехо- рошо больному, раз- битому человѣку та- кое зрѣніе предъ со- бой имѣть, смерть да вопль. Ихъ больныхъ рветъ, а маменька сама сидя, только глядитъ, расширивъ глаза, и улыбаются съ жалобой и благо- склонно. До чего, за- мѣйте, мужествен- ная женщина.

Тутъ, за оконцемъ, и чалдонье не- путевое, рваная ноздря и туземцы эти самые, то есть, какъ говорится, якуты, и мѣстные жители—русскіе.

Всѣмъ скрута пришла. Болѣзнь безъ разбору живетъ.

Помиралъ первый по нашимъ мѣстамъ богачъ золотопромышленникъ, нѣкій по фамилии Сердобовъ—онъ раньше подъ Витимомъ жилъ, а потомъ у насъ.

Принесли и его—прямо на кровати.

Вотъ вамъ крестъ, ежели вру. Вы меня мало знаете и мнѣ со- вѣстно, ежели не по- вѣрите. Такъ и не- суютъ го- ворю...

Кровать у него ста- ринная, де- ревянная, вся стѣ- ночка, надъ сѣдой голо- вой, въ ки- парисовыхъ дощечкахъ, въ икон- кахъ сере- брянаго ок- лада.

Качается надъ его си- ней голо- вой, — онъ глаза за- вель, губы страшно покривилъ. Поставили молодцы его съ одромъ у окна на му- раву.

Папенькѣ даже совѣстно стало. Кто могъ такого человѣка потревожить.

Однако постъ говорятъ: самъ Сердо- бовъ велѣлъ.

Всѣ предъ кончиной живота своего

«...Я испугался и подаю поземъ...»

уравнены, что миллионщикъ, что чал- донъ несчастный. Все настаивалъ:

— Несете меня, дружки, подъ окно къ Сидоровымъ. Хочу свою порцію имѣть наровнѣ съ другимъ какимъ не- счастливымъ.

И вотъ не повезло: умеръ въдъ.

А тутъ — туземцы, то есть якуты, несутъ якутку. Она въ городскомъ на- рядѣ, въ шляпѣ, лицо какъ лимонъ,

Якуточку шампанскимъ отбузуютъ, а она запалить въ трубку огонекъ, зады- мить и глядишь, черезъ часокъ другой домой пѣшкомъ та- щится: что твоя кошка...

Стоимъ мы, однако, надъ маменькой и умоляемъ. Руки пе- редъ ней какъ на молитву сложили, упрашиваемъ все.

— Маменька, по- щадите, свое зрѣніе!

Она только гля- дитъ, а глаза у нея были свѣжіе и пре- лестные, съ зеленью, какъ ледъ на Ленѣ.

Докторъ сидитъ въ уголку, читаетъ жур- наль, а потомъ отки- нется въ креслицѣ и приложитъ молча палецъ къ губамъ и намъ знакъ сдѣла- етъ: «отойдите, молъ, не безпокойте жен-

щину»...

Долго мы не понимали, — только потомъ докторъ намъ подтвержденіе на словахъ далъ. Маменька отъ того послѣ не отпиралась и тоже вродѣ къ тому склонялась.

Умный человѣкъ былъ докторъ. Послѣ, когда вернули изъ ссылки, въ Москвѣ его очень взлюбили. Свѣтлая, какъ го- ворится, личность...

Густинъ Петровичъ налилъ въ блю- дечко, въ два хлебца опорожнилъ и, еще

де жа блюд- це на расто- пыренныхъ пальцахъ, дрожащимъ голо сомъ продолжалъ:

— Тутъ бы мнѣ и кончить свой разго- воръ. Да, нѣтъ... Вѣдъ главное, по- читай цѣли- комъ впе- реди.

В и ж у, какъ сегод- ня видашь, вижу подъ окномъ кри- воколѣн- ный нашъ переулокъ, больные, на крыльцѣ Анфиноге- новъ съ су- повой лож- кой и осто- рожно по

«... Принесли и его—прямо на кровати...»

только на щекахъ, какъ голубика— пятна здороваго румянцу-съ... Крѣпкій народъ.

Многимъ мы жизнь возвели черезъ наше шампанское.

сосудамъ разливаетъ.

Батюшка ругался «Силоамская купель—кошунники», — а потомъ самъ приходилъ: «Колики что то въ желудкѣ, нельзя ли страховочку получить» ..

Съ недѣлю прошло и слегли тутъ маменька. Родить не родили—по частицамъ его бѣдѣжку, ребеночка, выпули.

Папенька рыдали, а докторъ спокойно помогалъ, воды себѣ горячей требовалъ, утѣшалъ насъ.

«...Старшій нашъ приказчикъ Анфиногеновъ стоитъ на порожекѣ и изъ жбана въ ложки разливаетъ...»

Выйдетъ за дверь на минутку и руки машетъ:

— Вы мнѣ больную не разстраивайте. Съ ней случай рѣдкій. Кажется, черезъ срокъ переносила, и отъ болѣзни своей сожгла въ себѣ плодъ. Ей бы давно на столѣ лежать, если бы... не тамъ.

И руку мокрую въ водѣ и сулемѣ, къ окну тянетъ.

Тутъ поняли мы, что маменьку убергло.

На чужія муки глядѣла и свои забывала.

Вотъ она природа тѣла и природа сердца. Докторъ только плечами дергался: все удивлялся.

Нѣтъ, ничего!

Поднялась вскорѣ съ постельки. Впрочемъ, родъ у насъ крѣпкій, фамильность но безъ добраго сердца, ничего не было бы хорошаго—помереть бы маменькѣ, вотъ что...

Прохожаю я добраго доктора на пристань. Онъ шляпой помахиваетъ, пенсне на носу поправляетъ. Глядитъ на бѣлыя коленки, на крашенныя ставенки, полинялыя отъ долгихъ снѣговъ, на ягучокъ, курящихъ трубки, и говоритъ раздумчиво.

— Навсегда г. Сидоровъ, навсегда вашъ горолокъ запомню. Великую милость и утѣшеніе я въ немъ получилъ. А ваша матушка—святая и удивительная изъ себя женщина и предъ ней на колѣна преклоняться надобно и вполне благоговѣть.

Такъ и сказалъ. Говорить это онъ мнѣ, а на глазахъ слезинки.

— Такого случая, г. Сидоровъ, и въ Евангеліи не указано. Великъ и милостивъ Богъ, а человекъ, бываетъ, извините, и небесамъ не уступаетъ въ милости...

— Не знаю почему,—приостановился, прикрывая кранъ самовара надъ стаканомъ разсказчикъ,—а больше маменьки и больныхъ подъ окномъ, ждущихъ шампанскаго, запомнился мнѣ, въ память вошелъ—докторъ этотъ. Ахъ, хорошій, правильный человекъ. Удивленіе какъ онъ все это понималъ.

Папенькѣ и мнѣ ни за что бы не понять, а онъ впервой маменьку видалъ и всю ее—какъ на ладонькѣ. Вѣдь дастъ же Господь человеку такое умозрѣніе...

А отчего? Доберъ очень. Вотъ оно что, доберъ!..

Провожалъ я его пароходомъ до Киренска.

Опять Лена легла въ стороны прохладой и чистотой. Опять медвѣжьи тропки, дѣлянки, далекіе смутные снѣга, просторы несказанные...

Господи, Господи. Хороша вся твоя природа! А лучше добраго и рѣдкаго человека ничто въ Твоей природѣ, Господи, высмотрѣть и

понять не могу...

— Однако,—приса- нился онъ, поглядывая на окно, плачущее отъ самоварнаго пара,—мы заболтались тутъ попустыкамъ... Выйти и посмотрѣть на рѣчку.

Тишина. Волга вся въ пару и чернота подъ паромъ означена. Похоже на черноземный клинъ подъ весеннимъ горячимъ дымомъ.

Смутно и величаво кругомъ.

Глубоко, ровно изъ сказочныхъ глазницъ незнаемаго звѣря, глядѣлись съ того берега огоньки деревни.

Фонарь на ребрѣ конторки задуло вѣтромъ или скорѣй придавило сытнымъ, тяжелымъ туманомъ.

Далеко-далеко пролопотало, и снова чуть и настроженно стихли туманы.

Лодки тихо скреблись другъ о друга, подъ кормой у нихъ и подъ досками конторки пѣла сумрачно глухая, ночная волна.

Показался огонекъ на фарватерѣ—словно новое село съ полуночнымъ огнемъ выросло. То шель ночью «самолетъ».

Матросъ, зѣвая и чеша яростно согрѣтую въ перинѣ грудь, вышелъ изъ своего зловоннаго закутка, снова вздулъ

апельсиннаго цвѣта чадающій огонекъ въ одномъ фонарѣ, а другой поднялъ на веревкѣ къ вершинѣ мачты и засуетился, толкая подручныхъ, спящихъ въ пролетѣ конторки, подъ солеными, пахнущими вяленой рыбой рогожами. Нужно было принимать пароходъ.

Огласилась рѣка шумомъ и уханьемъ, засвѣтились ночныя воды вертикальными зелеными и красными отсвѣтами. Затрясло конторку.

Намъ подали сходни, и насъ сразу охватило жаркое, мятое въ машинахъ тепло. Новенькіе цилиндры работали въ мощномъ брюхѣ парохода отчетливо и весело.

Потянуло чадомъ лакомой кухни. Рѣзнуло больно по глазамъ электричество.

Мы заняли каютку. Увидѣвъ на клеенкѣ столика блестящій, словно лаковый кружокъ отъ подсохшаго, липкаго вина, Іустинъ Петровичъ потеръ руки и сказалъ:

— Такъ красненькаго съ холода выпьемъ, что ли?

— Нѣтъ,—сказалъ я,—не красненькаго, а шампанскаго. Духъ вашей матери призовемъ и при немъ чокнемся...

Намъ подали вина. Съ тайной дрожью я поднялъ бокалъ:

— За вашу матушку, за все... для чего стоитъ, для чего можно жить...

— За доктора,—сказалъ Іустинъ Петровичъ и, прежде чѣмъ выпить, пере-

«...За вашу матушку, за все... для чего стоитъ, для чего можно жить...»

крестился наотмашъ, прикрывъ темнымъ, цыганскія вѣки...

Л. Пасынковъ.

НОВЬ.

Мы идемъ къ химерѣ...

Слышенъ залпъ орудій.

Эти люди—звѣри?

Эти звѣри—люди?

Кровь смѣшалась съ кровью

Землю напоила,

Но подъ этой новью—

Дремлющая сила.

Кончатся невзгоды

Съ молодымъ постѣвомъ.

Выйдутъ,—выйдутъ всходы,

Вскормленные гнѣвомъ!..

В. Умановъ Каплуновскій.

ЖУТКІЯ МИНУТЫ.

(Изъ записокъ странствующаго офицера генеральнаго штаба).

Иллюстрировалъ для «Огонька» худ. Б. АНТОНОВСКИЙ.

Мой корпусъ, гдѣ я былъ «наштакромъ», долгие другіе боролся съ агоніей разложенія, и еще въ началѣ ян-

бовъ и самозванство нѣсколькихъ главко-фронтowychъ начальниковъ... Командировка обѣщала интереснѣйшій бытовой и историческій матеріалъ, пропитаніе и небольшой заработокъ, и я за нее ухватился...

Правда, время для мыканія по нашимъ ж. дорогамъ, даже съ мандатами, подписанными такими лицами, какъ «комисаръ Подвойскій съ товарищами», не только не обѣщало удобствъ, но положительно сулило мученія, но съ этимъ приходилось мириться... Однако рискъ путешествія въ одномъ случаѣ поднялся выше обыкновенныхъ пассажирскихъ страданій и чуть не отправилъ меня со спутниками на тотъ свѣтъ въ совершенно-измельченномъ видѣ...

Это я и рассказываю.

Пятнадцатое и 16-е марта были днями бѣшеной эвакуаціи Петрограда, а слѣдующіе дни были сутолокой разѣзда изъ Мос-

квы чрезвычайнаго съѣзда совѣтскихъ депутатовъ, ратификовавшихъ нашъ несчастный миръ съ Германіей... Вотъ почему намъ особенно солоно пришлось на пути между Москвой и Орломъ, куда мы ѣхали навѣстить обломки нашей ставки, перебравшейся сюда изъ Могилева—придѣлпрозскаго и еще державшей нити связи и вліянія съ тѣми фронтами, которые насъ интересовали.

Съ великимъ хожденіемъ по мытарствамъ новыхъ совѣтскихъ учрежденій добыли мы себѣ пропуски изъ Москвы и обратные на въѣздъ въ Москву и право на мѣста въ делегатскомъ вагонѣ поѣзда, отхолившаго на Орелъ поздно вечеромъ.

Привилегированныхъ вагоновъ оказалось три: для делегатовъ, для инвалидовъ и для женщинъ и дѣтей, эвакуировавшихся откуда то и куда то. Ихъ до отхода оберегала стража, пускали по документамъ, но при неимоверной давкѣ и свалкѣ на перронѣ вокзала и при неопредѣленности текста пропусковъ, населеніе всѣхъ трехъ вагоновъ не только перемѣшалось, но добавилось партіями откуда то взявшихся командъ красногвардейцевъ. И въ нашъ вагонъ явилось таковыхъ одиннадцать человекъ, занявшихъ силой верхнія полки нашего

трехъ - этажнаго вагона четвертаго класса.

Тѣснота получилась большая. Ружья красногвардейцевъ нѣсколько разъ падали сверху внизъ и, будучи заряжены, только потому не давали случайныхъ выстрѣловъ (а про такія говорили кругомъ, по воспоминанію другихъ случаевъ), что падали на мягкое, на людей.

Одинъ еврей депутатъ пробовалъ очистить вагонъ отъ всѣхъ лицъ, не имѣвшихъ депутатскихъ мандатовъ, и дѣлалъ это съ большимъ «нажимомъ», приставляя къ груди удаляемыхъ лицъ револьверъ. Но скоро наварался на такой же револьверъ высаживаемого лица и на ропотъ красногвардейцевъ, и все кончилось случайно безъ выстрѣловъ и опасности быть подстрѣленными для окружающихъ.

Скоро жизнь вошла въ колею мирнаго препровожденія времени, что тянулось больше сутокъ: впередъ насъ шель «эшелонъ» съ какими то войсками, который страшно тормозилъ наше движеніе, заставлялъ насъ отстаиваться на разѣздахъ прямо въ полѣ и выпивать весь кипятокъ на станціяхъ къ нашему приходу...

Красногвардейцы оказались, въ общемъ, милыми людьми, кромѣ двухъ трехъ типовъ, одинъ изъ которыхъ и заставлялъ вагонъ и поѣздъ пережить трагическія минуты, а меня лично минуты жуткія...

Скоро образовалось два карточныхъ центра: депутаты сражались въ стуколку и преферансъ, а красногвардейцы и какой то матросъ-франтъ въ бань. Всѣ были съ деньгами. Черезъ сутки матросъ былъ въ выигрышѣ около 800 рублей, а два красногвардейца считали, что проиграли рублей по триста и уже весьма нервничали. Матросъ и его пріятель, какой то солдатикъ, должны были отгрызаться отъ весьма скверныхъ

варя 1918 года, когда я отправился изъ него въ отпускъ въ Петроградъ, онъ еще стоялъ гроз-

ной стѣной противъ Черновицъ, по обѣимъ берегамъ р. Прута, близъ Новоселицъ... Но уже крупныя трещины бороздили эту стѣну; она крошилась и рухнула ужъ потомъ, когда я былъ въ Петроградѣ и когда образовались два новыхъ внутреннихъ фронта, западный и юго-западный, отгородившіе отъ меня его обломки, поглощенные австрійцами и украинизаціей...

Короче, я остался не у дѣлъ и сталъ обивать Петроградскіе пороги, чтобы снискать занятія, пропитаніе...

Шель мартъ. Близъ его середины по новому стилю, зашелъ я какъ-то въ секретарскую комнату пріемной начальника генеральнаго штаба въ сотый разъ справиться—нѣтъ ли какого мѣста или порученія. Начальство, мой академическій товарищъ, еще разъ тепло встрѣтило и проводило меня.

Но въ толпѣ секретарской комнаты вдругъ кто то назвалъ меня по имени и отчеству. Это оказался одинъ изъ молодыхъ офицеровъ Чер—скаго полка N дивизіи, дослужившійся передъ уничтоженіемъ чиновъ до капитана и оказавшійся сейчасъ однимъ изъ комисаровъ при нашихъ центральныхъ управленіяхъ военнаго вѣдомства.

Разговорились. Онъ обѣщаль помочь, а черезъ день я былъ спѣшно вытребованъ имъ къ себѣ и стремительно отправился съ нимъ въ командировку, въ качествѣ эксперта по военнымъ вопросамъ по части генеральнаго штаба.

Комисаръ посылался навѣстить наши западный и юго-западные фронты, тянувшіеся тогда у Смоленска, Роглави, Брянска, Конотопа и Ворожбы, выгнать наши силы, распутать столкновенія шта-

«...По скоро наварался на такой же револьверъ высаживаемого лица...»

«... Матросъ и его пріятель, какой то солдатикъ, должны были отгрызаться отъ весьма скверныхъ намековъ на чистоту игры...»

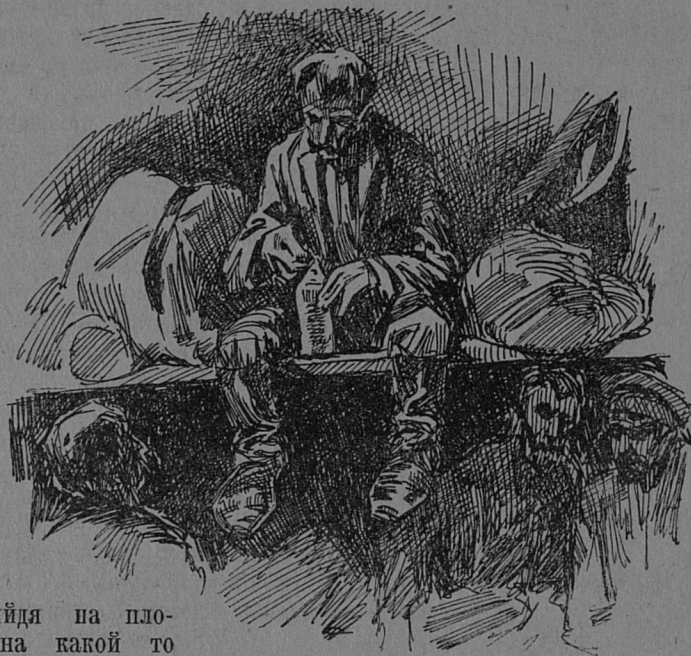
намековъ на чистоту игры. Матросъ нервно расчесывалъ свои кудри огром-

нымъ черепаховымъ гребнемъ, несомѣнно дамскимъ, и мочилъ себѣ поминутно темя изъ большого флакона съ духами...

Одинъ изъ его противниковъ, человекъ весьма придирчивый и беспокойный, рѣшилъ поугаать своего счастливого соперника по игрѣ, а можетъ быть и позабавиться на счетъ нервничанья остальныхъ пассажировъ... Сначала онъ сталъ возиться съ патронами своего ружья, заряжая и разряжая магазинъ, «выковыривая», какъ онъ объяснялъ, заклинившіеся въ стволѣ патроны. Затѣмъ, выйдя на площадку вагона, онъ на какой то станціи открылъ стрѣльбу пулями по стаѣ воронъ, садившихся на ночлегъ на деревья... Въ вагонѣ поднялся цѣлый адъ ругани и перекоровъ, еще больше разозлившихъ этого молодчика. Изъ ругани его съ товарищами было извѣстно, что еще недавно, сопровождая съ другими красногвардейцами транспортъ съ оружіемъ, везшійся куда то спѣшно на почтовыхъ, онъ разстрѣлялъ бездну патроновъ, стараясь всюду сшибать изоляторы телеграфныхъ столбовъ...

Подъ вечеръ онъ, сидя на средней полкѣ вагона, сталъ возиться и ковыряться съ какимъ то предметомъ, который оказался ручной гранатой для «гайдамаковъ», какъ пояснилъ ей обладатель. Никакіе уговоры, никакая ругань товарищей и протесты депутатовъ не привели ни къ чему, и этотъ товарищъ, отъ котораго сильно припахивало хан-

На него, наконецъ, плюнули. Онъ спряталъ гранату и уgomонился—заснулъ

«...Подъ вечеръ онъ, сидя на средней полкѣ вагона, сталъ возиться и ковыряться съ какимъ то предметомъ...»

со своей ханжей. Остался ли капсюль въ гранатѣ никто не зналъ. Скоро и нашъ вагонъ весь угомонился, и толки о гранатѣ прекратились. Не спалъ я и старшій команды красногвардейцевъ, когда что-то тяжелое бухнулось на полъ съ полки, гдѣ спалъ «гранатчикъ». Старшій бросился внизъ къ предмету; я приподнялся съ нижней лавки, гдѣ лежалъ.

— Граната, — сдавленнымъ голосомъ сказалъ старшій, — торопливо разглядывая ее и приставляя къ уху...—А знаете, не шипитъ, капсюль же вставленъ!!! Жуткія минуты охватили насъ...

— Пойду, выброшу, — прошепталъ старшій и исчезъ въ прихожей и на площадке вагона... Было совершенно тихо, и вотъ на хорощемъ ходу нашего поѣзда внизу подъ крутой насыпью, очевидно, что-то страшно ухнуло, осветило замерзшія окна и загрохотало...

— Должно быть предупредительная петарда, — пробормоталъ какой то проснувшійся депутатъ-железнодорожникъ.

— Прошу васъ не говорить никому изъ пассажировъ, — сказалъ мнѣ старшій

шепотомъ, возвращаясь на свое мѣсто: у него была только одна, прочія мы еще вчера у него отобрали.

Вотъ вамъ былъ изъ жути, которую переживаемъ: новое часто нарастаетъ не гладко, часто встряхиваетъ возъ прогресса по мировымъ ухабамъ и на долю пассажировъ поѣзда-прогресса достаются и не такія еще жуткія минуты.

А. Шеманскій.

ЧУЖАЯ СМЕРТЬ.

Разсказъ

МАГДАЛИНЫ ВЕРИГО.

Весенняя тревожная ночь опустилась на землю. Задымилась мерцавшіе тускло лиманы и холодный туманъ поползъ отъ нихъ по болотистымъ дугамъ къ городу и къ морю, влажнымъ маревомъ заволокло онъ грязныя улицы окраинъ и тяжелыя суда, дремавшія въ порту, и пробравшійся къ центру города лизнулъ осторожно широкіе асфальты. И все выше поднималась поздно-взошедшая луна, ослѣпительно сверкая своимъ бѣлымъ пламенемъ между черныхъ разодранныхъ тучъ, быстро бѣжавшихъ по небу. Въ городѣ въ эту ночь не зажигали огней; и надъ полями и надъ моремъ и надъ опустѣвшими улицами города нераздѣльно парила высокая и яркая луна.

Андрей Григорьевичъ долго стоялъ у окна, поднимая къ блѣдной и круглой лунѣ свое тоже блѣдное и кругловатое лицо, и долго смотрѣлъ на нее свѣтлыми, широко-раскрытыми глазами. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ и былъ немного печаленъ; луна, такъ одиноко блиставшая въ небѣ, казалась ему тоже печальной и внушала ему смутную симпатію.

Потомъ, вздохнувши, онъ медленно закрылъ окно и ставни и легъ погруженный въ свои меланхолическія думы, не замѣчая, что между ставнями осталась порядочная щель, въ которую проливался мутный зеленоватый свѣтъ. И въ эту-то щель полночная луна протянула свой тонкій лучъ и погладдила имъ тихо блѣдное лицо Андрея Григорьевича. Задрожали его опущенныя длинныя рѣсницы, засіяли серебрянымъ ореоломъ его пепельные волосы и неясные беспокойные сны зароились надъ нимъ.

Просыпаясь на мгновеніе, онъ видѣлъ свою комнату, освѣщенную луннымъ лучемъ, и засыпая, онъ продолжалъ ее видѣть во снѣ. Все было какъ-будто въ дѣйствительности; но только лунный свѣтъ горѣлъ черезчуръ ослѣпительнымъ блескомъ и опалила руку жгучая бѣлизна простыни. Потомъ раздалися стѣны и неудержимо измѣняли свои формы все предметы, пронизанные насквозь луннымъ сверканьемъ. Маленькій цвѣтокъ нарцисса, стоявшій на столѣ въ перламутровой вазочкѣ, росъ и превращался въ цѣлыя заросли бѣлыхъ гигантскихъ цвѣтвъ; сплетаясь и расплетаясь, всю комнату заполняли причудливыя вѣтви, и воз-

«...Граната—сдавленнымъ голосомъ сказалъ старшій...»

жей, продолжалъ съ наслажденіемъ объяснять вслухъ, что вотъ онъ ввинчиваетъ или развинчиваетъ капсюль съ гремучкой и что, конечно, если граната упадетъ, отъ вагона останутся одни клочья.

духъ сгущался отъ ихъ душнаго ды-
ханья.

— Это—сонъ, задыхаясь, думалъ Андрей Григорьевичъ и страстнымъ на-
пряженіемъ воли преодолевалъ кош-
маръ, и на одно мгновеніе цвѣтокъ нар-
цисса стоялъ въ своей вазочкѣ тонкій
и маленький. Но падала утомленная воля,
и снова бѣлыя заросли распространя-
лись по комнатѣ до самаго потолка, и
прямо въ лицо уже глядѣли нестерпимо-
ароматныя цвѣты, и шевелили лепест-
ками, и пчелы жужжали на днѣ ихъ
чашечекъ, наполняя воздухъ оглуши-

а пѣсня срывалась вдругъ, разсыпаясь
смѣхомъ. Чьи то шаги слышалъ Андрей
Григорьевичъ и въ своей комнатѣ, кра-
дущіеся, легкіе шаги; казалось ему, онъ
чувствовалъ надъ своимъ лицомъ чье
то задержанное дыханье. Что то про-
шелестьло на маленькомъ столикѣ, стояв-
шемъ въ ногахъ кровати.

— Кто тутъ?—проговорилъ Андрей
Григорьевичъ, силясь раскрыть глаза.

— Тише, тише!—прошептала моло-
дой, какъ будто мальчишескій, голосъ,
и легкій смѣхъ, прозвенѣвъ чуть слыш-
но, растаялъ въ воздухѣ. Что то еще

таить строки, почеркъ которыхъ ему
какъ то странно знакомъ; взволнованно,
что то стараясь припомнить, онъ уже
слышитъ голосъ, прозвонящій написан-
ныя эти слова. Голосъ, заставляющій
сердце биться такъ трепетно, такой зна-
комый, такой любимый, такой забытый.
Не голосъ ли это друга, утраченнаго
давно или еще не встрѣченнаго, но
образъ котораго начертанъ въ тайныхъ
глубинахъ души? Какъ будто изъ самой
глубины воспоминаній звучалъ этотъ
голосъ, спокойный и мужественный, все
явственнѣе становился онъ, и вотъ уже

УЖАСЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Рисунокъ для «Огонька» худ. С. ЛУЗАНОВА.

Разстрѣль 12-ти.

Слѣдственной комиссіей при революціонномъ трибуналѣ заканчивается разслѣдованіе дѣла о разстрѣлѣ двѣнадцати. Сущность дѣла въ слѣдующемъ: При хвѣтѣ р. б. и солд. деп. Губаницкой вол., Петрогр. губ., была организована особая боевая дружина для производства разслѣдованія о тѣхъ лицахъ, которыя имѣли оружіе безъ соответствующаго на то разрѣшенія. Въ составъ этой дружины, между прочимъ, вошли два члена исполнительнаго комитета мѣстнаго совѣта. Дружина, однако, не ограничилась специальнымъ порученіемъ, а занялась грабежомъ помѣщиковъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ ночь на 9 марта дружина явилась въ дер. Волосово, гдѣ ее встрѣтилъ отрядъ вооруженныхъ крестьянъ въ 250 чел. Члены дружины, пой-
манные съ полиціею, были обезоружены и арестованы. Между прочимъ, въ лицѣ двухъ членовъ исполн. комитета, вошедшихъ въ дружину, крестьяне узнали всѣхъ извѣстныхъ въ округѣ двухъ конокрадовъ. Всѣ арестованные въ числѣ 12 чел. тутъ же были разстрѣляны.

тельнымъ шумомъ. И, теряя сознаніе, съ грохотомъ падалъ Андрей Григорьевичъ въ бездонную пропасть, чтобы очнуться для новаго сна.

Сонъ его, продолжая дѣйствительность, сливаясь съ ней, становился неотразимо-убѣдительнымъ и властнымъ. Во снѣ ощущалъ онъ томительную тягость безсонницы, и мозгъ его, измученный борьбою, безвольно отдавался во власть охватывавшихъ его грезъ, теряя грань между настоящимъ и призрачнымъ. Чьи то шаги раздавались въ коридорѣ, то быстрые, то замедленные и тяжкіе, чьи то голоса шептались невнятно, замирали, то звенѣли въ тоскующей пѣснѣ, и пальцы стучали по стѣнѣ, отбивая унылый мотивъ,

хотѣлъ сказать или спросить Андрей Григорьевичъ, но неодолима дремота сомкнула ему губы.

Проснувшись черезъ нѣкоторое время, онъ увидѣлъ, что луна еще попрежнему ярко свѣтила въ окно. На стеканѣ съ водой, стоявшемъ на маленькомъ столикѣ, лежало письмо, — большой бѣлый конвертъ съ темнѣвшей на немъ печатью.

— Нужно взять это письмо и распечатать его, — подумалъ Андрей Григорьевичъ, но вѣки его снова тяжело и безсильно сомкнулись.

— Нужно встать, — подумалъ онъ, засыпая.

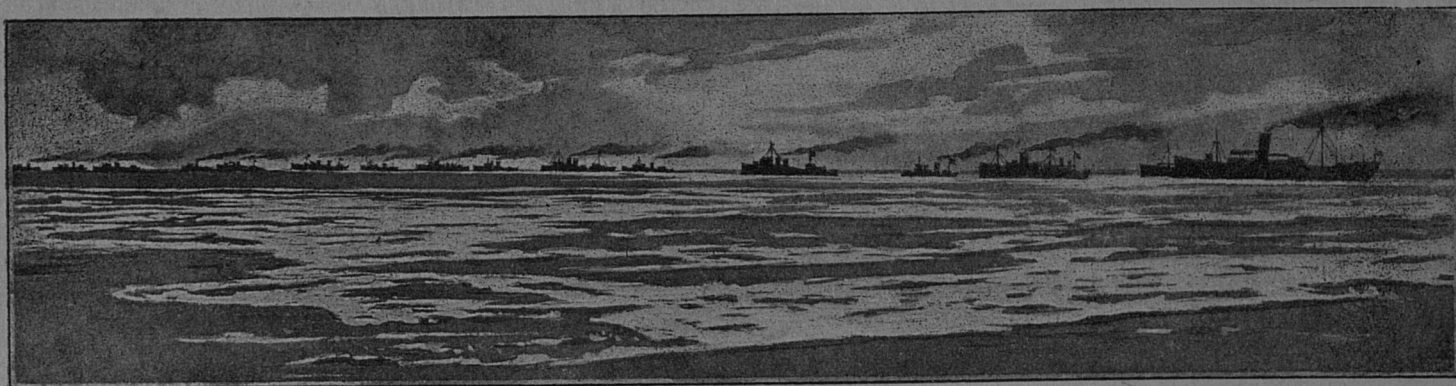
И снилось ему, что онъ встаетъ, распечатываетъ письмо и читаетъ. Онъ чи-

видѣлъ Андрей Григорьевичъ чье то дорогое лицо, полное привѣта, твердый и пристальный взглядъ свѣтло-карихъ глазъ, и рука друга сжимала ласково его руку. Небо соединило ихъ, наконецъ, послѣ долгой разлуки, луна провела серебряную дорожку ихъ встрѣчи. И вотъ они вмѣстѣ проходили между колоннъ пустынныхъ и свѣтлыхъ залъ, повѣряя другъ-другу бывшія печали и новыя надежды и замыслы, и мысли и чувства ихъ сплетаются въ нѣжной бесѣдѣ.

Андрей Григорьевичъ проснулся. Охваченный глубокимъ волненіемъ лежалъ онъ, не смѣя повѣрить, что пережитое было лишь сномъ, который покинулъ его. Голосъ друга, казалось, звучалъ еще

Благополучное бѣгство третьей и послѣдней части нашего Балтійскаго флота изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ.

Рисунокъ по ментальной фотографіи для „Огонька“ мичмана 3.

Голова каравана.

На фотографіи видна часть нашего флота, которая вышла 10-го апрѣля изъ Гельсингфорса. Всѣ корабли идутъ въ кильватерной колоннѣ, растянувшись слишкомъ на 15 миль. Справа видны нѣсколько транспортовъ, далѣе идутъ миноносцы. Въ Кронштадтъ суда стали прибывать съ 16-го апрѣля.

въ комнатѣ. Опершись, на локоть Андрей Григорьевичъ спустилъ голову и закрылъ глаза, стараясь удержать отлетающій образъ. Глухая, щемлящая боль все сильнѣе сжимала его сердце.

— Какая странная ночь! — подумалъ онъ. — Сколько же времени теперь?

Онъ открылъ глаза. Спалъ онъ очень недолго: лунный лучъ успѣлъ за это время передвинуться только къ ногамъ кровати.

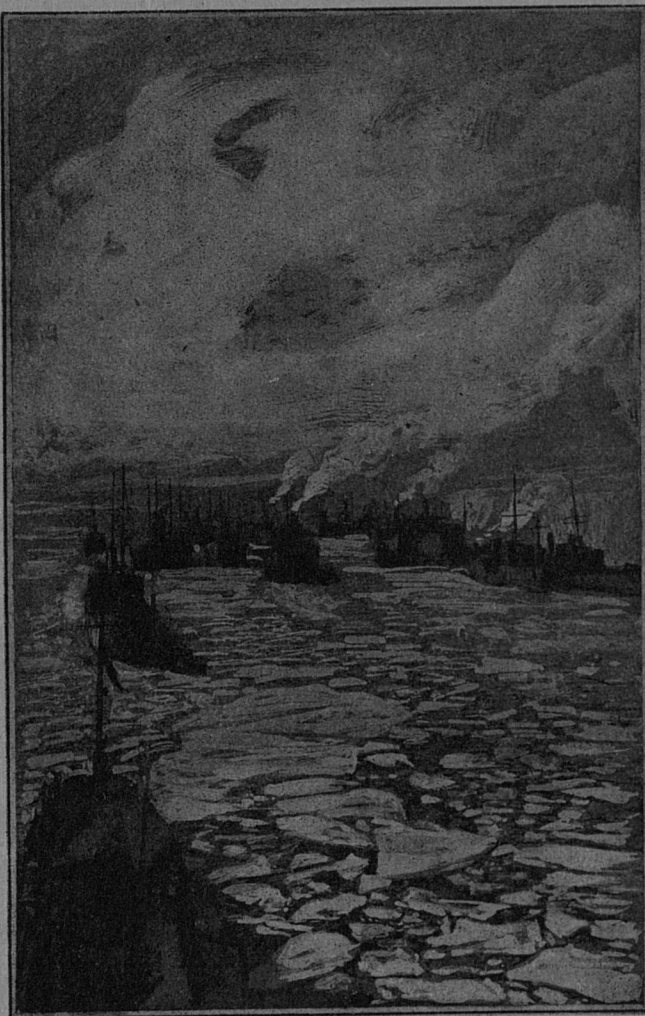
Вдругъ Андрей Григорьевичъ вздрогнулъ слегка: на стаканѣ съ водой лежалъ давешній конвертъ, ярко бѣлѣя въ лунномъ свѣтѣ. Андрей Григорьевичъ провелъ рукою по горячему лбу; нѣтъ, онъ уже не спалъ, конечно. Соскочивъ съ кровати, онъ протянулъ руку къ письму, опасаясь еще, что этотъ бѣлый конвертъ исчезнѣтъ, быть можетъ, если коснуться его. Но конвертъ не исчезъ: онъ лежалъ въ рукѣ Андрея Григорьевича холодный и свѣтлый, тяжелый отъ большой печати, приложенной къ нему. Андрей Григорьевичъ зажегъ свѣчу и долго разсматривалъ эту печать; на ней были изображены два тонкихъ скрестившихся паруса, похожіе на два крыла. Не ломая печати, Андрей Григорьевичъ разрѣзалъ конвертъ: тамъ оказалось два письма. Развернувъ то, которое находилось сверху, Андрей Григорьевичъ прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Дорогой мой, воображаю, какъ ты изумляешься и сердишься, не получая отъ меня столько времени ни извѣстій, ни денегъ. Твои сѣрые глаза, должно быть, совсемъ почернѣли отъ такихъ неприятностей. Зная твой нетерпѣливый характеръ, я порядочно беспокоился о тебѣ все это время. Какъ то ты тамъ изворачиваешься, бѣдняжка? Но я надѣюсь, ты настолько благоразуменъ, что не приписываешь моего вынужденнаго молчанія моей небрежно ти. Я все еще сижу въ здѣшней городской тюрьмѣ, въ маленькой башнѣ обращенной на югъ. Ты, конечно,

можешь представить себѣ, это не совсемъ весело при здѣшнемъ климатѣ. Да, крѣпко я засѣлъ въ тотъ злостный вечеръ! Но ты, мальчикъ, не вини себя ни въ чемъ, тутъ дѣло просто въ

томъ, что онъ годился только для мѣстныхъ порученій такъ какъ не зналъ не только тайнаго хода твоей квартиры, но даже и самой Одессы. Кромѣ того, онъ очень неповоротливъ, бѣняга, и на дняхъ серьезно попался изъ-за сущаго пустяка. А Янгъ-Ли ловокъ, какъ обезьяна, и знаетъ всѣ ходы и выходы въ твоёмъ городѣ; я далъ бы ему тамъ еще цѣлую кучу порученій, но нуждаюсь въ немъ самъ и не хочу рисковать такимъ сокровищемъ; поэтому и велѣлъ ему вернуться обратно съ слѣдующимъ пароходомъ, такъ что, надѣюсь, онъ пробудетъ въ Одессѣ не болѣе одной ночи.

Теперь вотъ что, мой дорогой: ты знаешь, какъ тщательно оберегалъ я тебя до сихъ поръ отъ всякаго знакомства съ нашими молодцами и тѣмъ сохранять тебѣ свободу дѣйствій въ любомъ обществѣ. Теперь же, скрѣпя сердце, мнѣ приходится свести тебя съ кое-кѣмъ изъ нихъ, такъ какъ не предвижу еще, когда кончится мое плѣненіе, а тебѣ тѣмъ временемъ могутъ понадобиться и деньги и чья-нибудь смѣлая помощь. Янгъ-Ли постарается предупредить нашихъ, пока будетъ на берегу. А ты пойдѣ на слѣдующій же вечеръ часовъ въ 10 по полученіи этого письма на Ланжеронскій берегъ къ рыбацкому домику, который я тебѣ показывалъ. Постучись, и тебѣ откроютъ; и хотя ты ничего изъ нихъ не знаешь, они всѣ тебя узнаютъ и будутъ къ твоимъ услугамъ. Тебѣ незначѣмъ сообщать имъ свое настоящее имя, достаточно прозвища, которое они уже привыкли любить. Имъ незначѣмъ также знать, гдѣ ты живешь и ходъ въ твою квартиру. Если тебѣ

Заторъ.

По фотографіи для „Огонька“ мичмана 3.

Передъ нами одинъ изъ многихъ заторовъ, которые часто останавливали и задерживали весь караванъ. Изъ-за толстаго льда и изъ-за стремленія статъ, впереди получалась такая пробка. Корабли на нашемъ снимкѣ сѣютъ въ финляндскихъ шхерахъ, недалеко отъ Пелинг-э.

непредвидѣнномъ случаѣ, въ которомъ не виновенъ никто.

Янгъ-Ли былъ выпущенъ только на дняхъ, и письмо это, значитъ, пойдетъ съ первымъ же слѣдующимъ пароходомъ. Правда, у меня все это время былъ здѣсь одинъ англичанинъ, славный ма-

они понадобятся, ты всегда найдешь кого-либо изъ нихъ тамъ же или въ другомъ мѣстѣ, которое они тебѣ укажутъ. Итакъ, повторяю: будь остороженъ, не вступай съ ними ни въ какіе разговоры, кромѣ самыхъ необходимыхъ, — это общество не для тебя.

И потомъ—имѣй немного терпѣнья. Помни: все, что я дѣлаю—я дѣлаю для тебя. Потому что съ тобою я связалъ мои лучшія надежды, потому что ты—моя единственная гордость и любовь. Аминь.

Живи спокойно и не забывай своего вѣрнаго друга.

А. М. Н.».

Второе письмо было шифрованное и сверху на немъ стѣсла надпись: «Передай при свиданіи тѣмъ, кто окажется на лицо».

Читая письмо, Андрей Григорьевичъ снова, казалось, слышалъ тотъ же милый и странно-знакомый голосъ, который только что звучалъ въ его снѣ, и передъ нимъ снова вставалъ тотъ же близкій и непонятно влекущій образъ, образъ человѣка, котораго онъ какъ будто бы зналъ и потерялъ когда то незапамятно давно и который оживалъ теперь, воскресая изъ глубины его сердца.

Полный глубокаго блаженства, подобнаго блаженству усталаго путника, пришедшаго, наконецъ, къ желанному крову, онъ не смущался никакими сомнѣніями, положилъ подъ подушку письмо и задувъ свѣчу, заснулъ, ощущая на своемъ плечѣ твердую и нѣжную дружескую руку.

* * *

Проснувшись по утру Андрей Григорьевичъ вынулъ письмо и долго разсматривалъ четкія и тонкія, съ рѣзкими изломами, линіи почерка. Потомъ, улыбаясь, онъ поцѣловалъ гладкіе прохладные листы.

То, что письмо это было написано, очевидно, къ другому, почти не смущало его. Вѣдь тотъ другой былъ неизвѣстенъ и исчезъ безслѣдно, уступивъ свое мѣсто ему. Къ тому же его успокаивала и фраза письма о сѣрыхъ глазахъ: у Андрея Григорьевича были глаза такого же цвѣта.

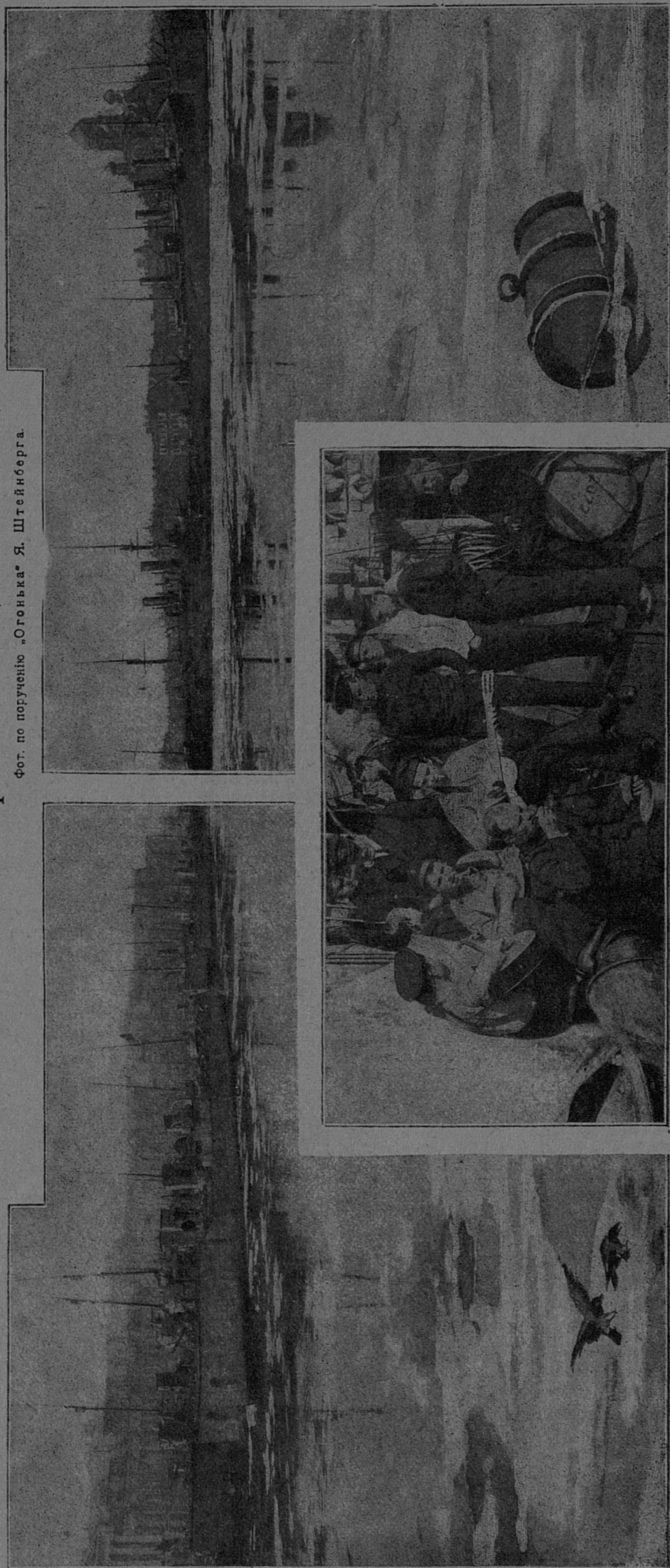
Осмотрѣвъ комнату, Андрей Григорьевичъ не нашелъ въ ней потайного хода, но ему показалось и лишнимъ черезчуръ тщательно отыскивать его. Онъ вспомнилъ о старой колодѣ картъ, пайденной имъ случайно между спинкой и сидѣньемъ дивана въ этой квартирѣ, которую семья его наняла вмѣстѣ съ мебелью. Вынувъ ее, онъ сталъ разсматривать потрепанныя исчерченные какими то знаками карты, желая найти въ нихъ какое нибудь указаніе о прежнемъ владѣльцѣ квартиры. Но онъ не понялъ въ нихъ ничего.

Также и мебель, довольно дорогая и почти совершенно новая, казалась купленной случайно и безъ всякой заботливости, и не скрывала въ себѣ какихъ либо тайнъ.

Проходя по комнатамъ, которыя не сохранили никакихъ воспоминаній о своихъ прежнихъ обитателяхъ, Андрей Григорьевичъ думалъ о томъ, кому были предназначены нѣжныя слова дружбы, доставшіяся теперь ему по волѣ неисповѣдимой судьбы. Легкомысленный ли капризъ или холодный расчетъ или же какое-нибудь роковое несчастье заставили его покинуть эту квартиру и всѣ

Балтійскій флотъ на Невѣ.

Фот. по рисунку «Огонька» Я. Штейнберга.

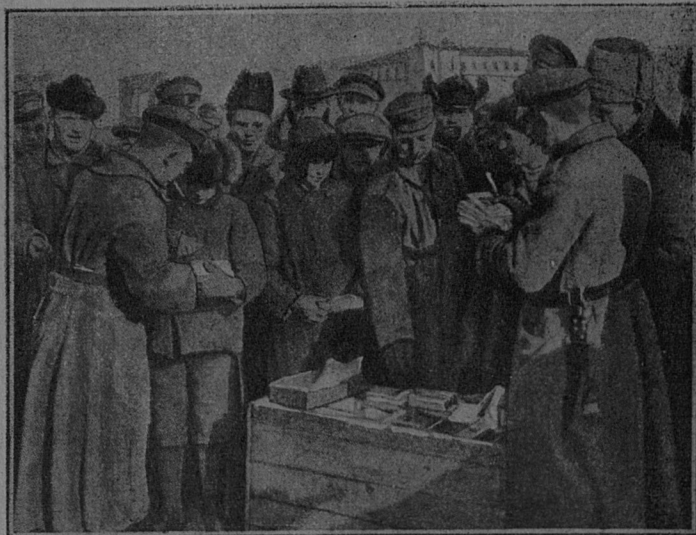
За Николаевскій мостомъ, вдоль Невы, по обоимъ берегамъ сгрудились мелкія суда нашего Балтійскаго флота, съ трудомъ, но благополучно выбравшіяся изъ финляндскихъ водъ. На чистой и вылощенной Английской набережной закипѣла новая жизнь, полная шума и движенія. Теплыя народы закружатъ набережную. Много женщинъ. Настроenie моряковъ бодрое.

Въ занятыхъ нѣмцами „самоопредѣлившихся“ областяхъ прежней Россійской имперіи.

Въ Прибалтикѣ.

Лифляндскія крестьянки продаютъ нѣмецкимъ солдатамъ привезенные изъ деревень продукты.

«Демобилизованный» уроженецъ Прибалтики продаетъ русскія папиросы новымъ хозяевамъ края.

надежды, связанныя съ потайной дверью его спальни? Живъ ли онъ, этотъ незнакомецъ, огражденный тайною отъ своихъ же сообщниковъ, кумиръ, гибель котораго можетъ остаться навсегда неизвѣстной служившимъ ему, чьи глаза были недостойны видѣть его лицо?

Сидѣвшіе за завтракомъ мать и дядя говорили о своихъ дѣлахъ; Андрей Григорьевичъ былъ молчаливъ, какъ всегда.

— Что то ты очень блѣденъ, Андрюша, — сказала ему мимоходомъ мать, и перешла къ другому занимавшему ее разговору.

Послѣ завтрака Андрей Григорьевичъ пошелъ, по обыкновенію въ публичную библіотеку, гдѣ онъ писалъ свою диссертацию «Объ русскихъ путешествіяхъ конца XVII вѣка».

Выходя изъ дому, онъ спросилъ у сидѣвшаго около воротъ дворника:

— Скажите, кто жилъ въ нашей квартирѣ до насъ?

— Да тамъ жили сами хозяева, домовладѣльцы прежніе, — сказалъ дворникъ, поклонившись и лѣниво вставая. — Квартира хорошая.

— А кто они были такіе?

— Да такъ, кто же ихъ знаетъ, — господа — греки ли, русскіе ли, намъ неизвѣстно; фамилія какая то мудреная. И какого званія были, тоже сказать не можемъ, мы при нихъ не служили. У нихъ свой дворникъ былъ, съ ними и уѣхалъ.

— А вашъ давно-ли хозяинъ купилъ этотъ домъ?

— Не болѣе какъ съ полгода будетъ. Домъ то этотъ за долги продавали; шибко, говорятъ, прежній владѣлецъ въ карты игралъ, вотъ, знать и того...

Тутъ дворникъ подошелъ къ звонившему у воротъ почтальону, а Андрей Григорьевичъ отправился своею дорогою, потерявъ надежду узнать что-нибудь о прежнемъ таинственномъ обитателѣ квартиры.

* * *

Пахнуло влажной сиренью, которую продавали на всѣхъ перекресткахъ; нѣжный закатъ отгорѣлъ и погасъ на безоблачномъ небѣ, и снова стала надъ городомъ ясная и широкая луна, сплетая въ причудливыя толпы акаціи вдоль пустѣющихъ улицъ, проводя по морю далекую серебряную дорогу.

Ровно въ 10 ч. проходилъ по Ланжеронскому берегу Андрей Григорьевичъ. Въ петлицѣ его была маленькая вѣточка сирени, въ ней онъ нашелъ сегодня счастье въ пятилепестковомъ цвѣткѣ. Его походка была легка и увѣренна, и лицо его, блѣдное, какъ лицо луны, было спокойное, обращенное вверхъ.

Онъ прошелъ мимо маленькихъ освѣщенныхъ рыбацкихъ хижинокъ, потомъ

мимо старыхъ разбитыхъ лодокъ, одиноко лежавшихъ на пустынномъ берегу. Онъ поднялся по узкой тропинкѣ на небольшой пригорокъ красноватой глины, поросшій рѣдкой травой, и снова спустился въ ложбину, между цѣпавшихся за его платье колючихъ кустарниковъ съ благоухавшими бѣлыми цвѣточками. Луна благосклонно освѣщала ему путь, и онъ шелъ спокойно по неизвѣстнымъ для него мѣстамъ.

Тропинка снова повернула къ морю, и тогда онъ увидѣлъ двѣ маленькія темныя хижины, полужемлянки, вросшія въ глинистый береговой скатъ. Минувъ первую, онъ подошелъ ко второй и остановился, прислушиваясь. Въ ней было беззвучно и темно. Онъ постучалъ слегка, потомъ погромче. Никто не отвѣтилъ ему. Онъ посмотрѣлъ на высокую луну, какъ бы обращаясь къ ней за помощью. Вдругъ онъ припомнилъ, что слышалъ ночью, во снѣ, или сквозь сонъ, какъ чьи-то пальцы стучали по стѣнѣ у его кровати. Тогда онъ постучалъ, припоминая: разъ-два, разъ-два-три, разъ...

Дверь тотчасъ же пріоткрылась безшумно, и чьи то сильныя руки, взявши за плечи, вовлекли его въ темноту, и дверь закрылась снова.

Тутъ кто то снова крѣпко обхватилъ Андрея Григорьевича, и чей то охриплый голосъ прошепталъ ему на ухо почтительно и почти нѣжно:

— Не беспокойтесь, Джанни, сейчасъ мы васъ доставимъ на мѣсто.

И Андрей Григорьевичъ почувствовалъ впотѣмахъ, какъ кто то вѣлъ его подъ руки, порою, попросту, несъ, сначала внизъ по деревянной лѣстницѣ, потомъ по какимъ то узкимъ сырýmъ переходамъ; бѣглый свѣтъ электрическаго фонарика освѣщаль передъ нимъ иногда полусгнившую балку или красноватую глиняную стѣну. Наконецъ, подземный коридоръ расширился въ небольшую пещеру, освѣщенную керосиновой лампой,

Въ самостійной Украинѣ.

Гайдамаки-офицеры 1-й Украинской дивизіи въ Кіевѣ.

Въ Народномъ судѣ Петроградской коммуны.

Рисунокъ съ натуры худ. журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Камера мирового судьи—гражданская теперь, съ паутинкой въ углахъ.

На возвышеніи за столомъ не одинъ судья, а цѣльхъ трое: председатель посредникъ—типъ „дошлаго“ мирового среднѣхъ лѣтъ, человѣка „съ хитрецей“, по сторонамъ оваричи предъсѣдателя—молодой фабричный и въ чести второго товарища—женщина, ебрыѣ—17-ти-лѣтняя дѣвочка Семнадцатилѣтняя судья съ прилизанной мордочкой, наивной косичкой и огромными грошевыми серьгами въ ушахъ, разсыбно глядѣтъ по сторонамъ; физиономія ея налиивается скукой и „соловѣетъ“. Костюмъ—самые непринужденные: часто даже не пиджакъ, а просто ситцевая косоворотка свѣтлыхъ шнѣтовъ со смятымъ жгутомъ воротникомъ, подпоясанная шнуркомъ. Черезъ всю камеру сторожика въ лаптахъ проносилъ то и дѣло кастрилы и гсришки, и аппетитный запахъ варсва вызывалъ и у судей, и у публики одну и ту же гримасу жадности и обманутаго ожиданія.

Любиматна фигура адвоката, изрѣка появляющагоса въ судѣ.

Въ пальто и галошахъ, въ шапкой въ рукахъ онъ, видимо, рапъ-раденеиъ, что дорвался до „дѣла“, и готовъ часами пучать судѣ, съ интересомъ выслушивающій элементарнѣйшія объясненія основъ права и супроизводства. Приговоры суда, которые нерѣдко выслушиваются, сила, подслу и публикой, вызывають по чась гр мѣе протесты, обсуждение, возникаетъ полемика, лица изъ публики походятъ къ столу судей, вступая въ споръ, при емъ, мотивируя св е рѣшеице, судья прямо заивелаетъ: „Что мнѣ всѣ ваши юридическіи понятія,—мы судимъ по революционной совѣсти на осадномъ положеніи“. („Нов День“).

Памятка об австрийском плене.

По фотграфиям, любезно доставленным „Огоньку“ офицерам, прибывшим недавно на родину из плена, в состав транспорта в 300 человек офицеров и солдат.

Памятник, воздвигнутый на далекой чужбине, в г. Гезефштадт, павшим русским воинам, на средства офицерского и солдатского лагеря при содействии австрийской администрации.

Модель прапорщика Сушкина. Работа исполнена исключительно руками русских военнопленных под руководством пр. Сушкина. Около этого памятника больше тысячи могил. Стоимость памятника около 8 тысяч крон, не считая камня, подаренного австрийской администрацией.

где за деревянным столом, на котором были разбросаны костяшки домино, сидели пять или шесть рослых мужчин.

— Вот, Джанни!—сказал провожатый Андрея Григорьевича торжественным и немного глухим от волнения голосом.

Все тотчас же встали из-за стола и начали по очереди здороваться с Андреем Григорьевичем, каждый осторожно пожимая ему руку и называя свою кличку. Все они были смуглы и обветрены; прямо через левую бровь придавал одному из них особенно мужественный вид, но карий печальный взор смягчал это впечатление; другой, самый красивый из всех, не имевший одного глаза, худой и стройный, он отличался сдержанными манерами, полными изящества. Их потерянная одежда казалась рабочими, одетыми на время. Несмотря на бедность костюма, у всех почти на руках, украшенных синей татуировкой, блестели дорогие перстни.

— Садитесь, Джанни,—сказал один из них, подвигая Андрею Григорьевичу

перевернутый кверху дном пустой ящик.

— Что, Джанни,—спросил старший, со шрамом и с печальными глазами:—вѣрно, плохи дѣла Командора, если он, наконец, послал вас к нам?

— Вот это вам от Командора,—сказал Андрей Григорьевич, поймав, кого называли здесь этим именем, и подальше старшему шифрованное письмо.

Тот прочел его про себя и передал товарищам, которые прочли его все по очереди.

— Вот, Джанни,—сказал старший, подавая Андрею Григорьевичу небольшой мѣшечек,—это все, что мы успели скопить. Дѣла наши, вы понимаете, теперь не особенно то хороши.

— Да, пока не вернется Командир, в дѣлах будет застой,—вставил другой из присутствовавших.—Придется пока потерпеть.

— Вот что, Джанни,—прибавил старший,—нам надо условиться о мѣстѣ, где вы могли бы найти кого-нибудь из наших, когда вам понадобится.

— Я думаю,—сказал одноглазый,—кинematографъ «Хамелеонъ», что на Коблевской улицѣ, будет для всехъ подходящимъ мѣстомъ.

Все согласились на этомъ. Андрей Григорьевич, державший себя, помня советы письма, очень сдержанно, встал собираясь уходить.

— Мы понимаемъ, Джанни,—промовил старший,—что Командоръ дѣлалъ умно, не пуская васъ къ намъ. Мы работаемъ въ разныхъ областяхъ, вы наверху, мы внизу, и намъ не слѣдуетъ компрометировать васъ. Но вы можете на насъ положиться вполне, какъ мы всегда полагались на васъ.

— Спасибо,—отвѣтил Андрей Григорьевич,—вы тоже можете рассчитывать на меня, когда я вамъ понадобится.

И он пожал всемъ на прощанье руки.

* * *

Майскіе дни проходили, благоухая спелостью и розами, пылая лютарными закатами. Полная круглая луна подымалась надъ городомъ и надъ моремъ, озаря прохладными ночами. И какъ прежде, поднималъ къ ней Андрей Григорьевич свое блѣдное кругловатое лицо и подолгу смотрѣлъ на ея ледяное сіяніе.

Торжественно и мирно было га душѣ Андрея Григорьевича. Онъ ждалъ своего друга, и зналъ, что теперь съ каждымъ часомъ ближе его возвращеніе и что эта встрѣча не минуетъ его. Онъ занимался своими обычными ежедневными дѣлами, но все существо его было полно великимъ ожиданьемъ. Онъ шелъ навстрѣчу несказанной радости, и легкая поступь его становилась все легче, и все свѣтлѣй и свѣтлѣе сіяли его свѣтлые глаза.

Каждый вечеръ онъ ходилъ въ кинематографъ на Коблевской, надѣясь услышать какую-нибудь вѣсть о Командорѣ. И дѣйствительно, одноглазый сообщалъ ему, что Командора ждутъ въ скоромъ времени.

Однажды подъ вечеръ, возвращаясь изъ библиотеки домой, проходя по обыкновенному бульваромъ, довольно пустыннымъ въ ту пору, онъ услышалъ, какъ кто-то тихо окликнулъ его: «Джанни!».

Онъ оглянулся и увидѣлъ въ темной заросли туй, спускавшихся къ порту, смуглое лицо съ горькими черными глазами. Онъ узналъ эти черные глаза

Похороны зимнею порою русского солдата въ австрийскомъ плѣну.

Картина написана однимъ изъ военнопленныхъ солдатъ.

и подошел поближе къ окликнувшему его.

Темная туп пахнула такъ горько и душно, душной показалась ему смуглота этого лица и блескъ взволнованныхъ глазъ и быстрый горячій шепотъ.

— Джанни, — сказалъ ему этотъ человекъ, — плохи дѣла! Нашихъ вчера семерыхъ забрали въ подземельи. Мы защищались слабо: трое поранено, а двое убиты на смерть; одноклзый Ваня убитъ. Я отбился, ушелъ. Вчеромъ двоихъ захватили въ «Хамелеонъ». Я весь день рыскалъ по городу, чтобы васъ предупредить. Берегитесь, Джанни, и близко не подходите къ «Хамелеону». А если вамъ нужно будетъ что, пройдите въ эту пору по бульвару; мы васъ здѣсь отыщемъ.

Выдали насъ, Джанни, кто-нибудь изъ своихъ. Товару сколько забрали — страсть! И полиція пришла не своя береговая, а тайная и жандармы.

Остерегайтесь, Джанни; а лучше всего уѣзжайте изъ города куда-нибудь подальше.

— Итъ, — отвѣтилъ Андрей Григорьевичъ, — я подожду Командора.

— А какъ же вы теперь? — прибавилъ онъ. — Васъ вѣдь могутъ поймать, здѣсь все-таки людно.

— Да, ужъ мнѣ не одобровать, если меня тутъ замѣтятъ, — промолвилъ тотъ, усмѣхаясь и блеснувъ горячими глазами. — Для васъ только, Джанни, и рискнулъ на такую штуку. Дождусь темноты и спущусь потихоньку внизъ.

— Не понадобится ли вамъ моя помощь на что-нибудь? — спросилъ Андрей Григорьевичъ, чувствуя смущение отъ своей бездѣтельности посреди всеобщаго несчастья.

— Что вы, Джанни! Берегите себя, ради Бога, больше ничего отъ васъ не нужно сейчасъ. Прощайте, уходите скорее отсюда!

И онъ скрылся въ густой темной заросли.

За душными туями плескалось безпокойно свиное море. Синяя-синяя туча медленно разстилалась надъ нимъ. Андрей Григорьевичъ тихо пошелъ домой.

* * *

На слѣдующій вечеръ опять тихій окликъ остановилъ его въ той же аллеѣ. Но изъ темныхъ кустарниковъ выглянуло уже другое лицо, бритое, рыжесое, съ пристальными сѣрыми глазами.

— Ну, Джанни, — проговорилъ рыжесый, — вы любите море, а я вамъ пока скажу нѣсколько словъ.

— Командоръ прѣзжаетъ; слышите? Завтра же вечеромъ будетъ у насъ. Только немногимъ изъ насъ его придется встрѣтить: вчера арестовали еще пятерыхъ. Здорово кто то наживается на этомъ дѣлѣ. А Воронокъ, тотъ что вчера тутъ разговаривалъ съ вами, — приказалъ долго жить. Его схватили таки вчера вечеромъ; ну, человекъ онъ былъ горячій, живымъ его не довели до участка.

А вы, Джанни, приходите завтра часовъ въ 9 вечера въ паркъ, къ

памятнику; оттуда васъ проведутъ въ одно надежное мѣсто, гдѣ будетъ Командоръ. А всѣ остальные мѣста пропали, пропали — хоть рѣпу тамъ сѣй!

Душень былъ этотъ майскій вечеръ и смутно было на душѣ у Андрея Григорьевича. Столько несчастій неожиданыхъ разразилось вдругъ, все рушилось такъ страшно кругомъ. Но радость предстоящей встрѣчи оцѣняла его, онъ думалъ только о ней, почти забывая объ общей ужасной бѣдѣ.

Прошла гроза гдѣ то стороной, громахъ глухо отдаленнымъ громомъ, но не развѣяла духоты. Снова вышла на небо уже ущербная луна. Долго смотрѣлъ на нее Андрей Григорьевичъ; его блѣдное лицо было счастливо, тонкія брови, приподнятыя слегка, придавали ему мечтательное выраженіе.

* * *

Подъ вечеръ другого дня, готовясь уже уходить, онъ получилъ съ посыльнымъ письмо. Подписи на немъ не было, написано же было слѣдующее: «Послѣните туда, гдѣ васъ ждетъ Командоръ, и скажите ему, что это мѣсто извѣстно полиціи. Пусть онъ поскорѣе уѣзжаетъ изъ города».

Душень былъ вечеръ подъ пабѣгавшими тучами. Небо, пропылавъ, уже покрывалось тьмою, когда Андрей Григорьевичъ быстрыми неслышными шагами вступалъ въ трепещущій, насто-роженный сумракъ парка.

* * *

Въ подземельѣ гудѣли голоса, будто рой потревоженныхъ осъ.

— Измѣна, измѣна!

— Предательство!

— Проклятіе!

— Вскормили змѣеныша!

— Правда, онъ оказывалъ намъ важныя услуги...

— Очень пригодились намъ его услуги теперь! Продай насъ, когда это оказалось выгоднымъ!

— Да, Джанни не дуракъ — заработалъ на насъ хорошія денежки!

— Держу пари, господа, что онъ не придетъ, ждите его хоть до завтрашняго вечера!

— Конечно, онъ пропихалъ обо всемъ, и намъ не видать ужъ его, какъ своихъ ушей!

— Пускай онъ бѣжитъ хоть къ са-

мому чорту, я найду его тамъ и всажу ему пулю въ его бѣленькій лобъ!

— Да, у чорта ты, пожалуй, поймаешь его: тебѣ самому туда прямая дорога.

— Не хочешь ли и ты туда же? Я тебя прихвачу за воротъ!

— А я держу пари, что Джанни придетъ: онъ все время хотѣлъ повидать Командора.

— Конечно придетъ, онъ не знаетъ, что намъ все извѣстно, вѣдь это открылось случайно.

— Ставлю четвертной билетъ за то, что онъ не придетъ! Кто противъ?

— Пари!

— Пари!

Голоса гудѣли сдержанно, но ожесточенно и дико горѣли глаза, неслабъ перекрестная ругань. Среди самаго разгара спора вошелъ твердой тяжелой поступью невысокій широкоплечій человекъ, одѣтый въ темный непромогаемый плащъ. Кѣпи его было наведено на самые глаза.

— Командоръ! Командоръ! — пропеслось глухо.

Всѣ смолкли; сидѣвшіе повставали со своихъ мѣстъ.

Глядя поверхъ головъ тяжелымъ, невидящимъ взглядомъ, Командоръ сказалъ:

Рис. худ. М. РОШКОВСКАГО.

Твои глаза зеленые, твои глаза
лучистые,
Такіе непонятные въ наивной
простотѣ,
Чему-то удивленные, порочные и
чистые,
И не по-дѣтски грустные
въ задумчивой мечтѣ...
Въ глаза мои холодные, въ глаза
мои безвѣтные
Улыбчиво посмотрятся, безмолвно
говоря,
И вспыхнуть, разгораются въ нихъ
искры разноцвѣтныя,
Какъ среди ночи сумрачной
далекая заря...
Въ печальномъ сновидѣніи закрыты
вы рѣсницами,
Дрожить на васъ нежданная,
алмазная слеза...
Проснешься, — встрепенутся
загадочными птицами
Порочные и чистые, зеленые глаза...

Александръ Перфильевъ.

— Я буду въ кабинетѣ. Когда онъ придетъ, проводите его ко мнѣ. Не заговаривайте съ нимъ: онъ ничего не долженъ знать. И если кто тронетъ хоть волосокъ съ его головы, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной. Вы слышали?

Онъ прошелъ, стараясь держаться прямо, но плечи его гнулись, какъ будто отъ незримой тяжести. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ извилини подземнаго коридора.

— Да, Командору то, пожалуй, погорше всѣхъ...—сказалъ кто-то.

Всѣ примолкли, охваченные тревожной тоской. Ожиданье становилось напряженнымъ.

— Идетъ, идетъ!—прошепталъ, задышавшись, вбѣжавшій сторожевой.

Легкими быстрыми шагами вошелъ вслѣдъ за нимъ Андрей Григорьевичъ. Улыбка дрожала въ углахъ его губъ, глаза его были широко раскрыты.

— Гдѣ Командоръ?—спросилъ онъ торопливо. —Здѣсь опасно, отсюда нужно бѣжать!

Озлобленные, жгучіе, жесткіе взгляды отвѣтили его свѣтлымъ спокойнымъ глазамъ. Его обступили угрюмо, обжигая горячимъ стѣсненнымъ дыханіемъ.

— Ага, Командора то онъ пожалѣлъ! Командоръ то дороже чѣмъ 30 серебряниковъ! Да, Командоръ—это не Воронокъ!

— Гдѣ же Командоръ?—спросилъ онъ удивленно, не понимая этихъ странныхъ взглядовъ и словъ и не думая даже о нихъ.

— Командоръ тамъ дальше, ждетъ васъ. Сердитый, приводитъ къ Командору Джанни.

Пройдя извилистымъ узкимъ землянымъ коридоромъ, такимъ низкимъ, что приходилось сильно нагибаться порой, увидѣлъ Андрей Григорьевичъ въ концѣ этого хода маленькую комнатку, освѣщенную тускло фонаремъ, стоявшимъ на полу у ея входа.

— Здѣсь вы пройдете сами,—сказалъ ему провожатый и повернулъ обратно.

Въ глубинѣ комнаты, на табуретѣ передъ низкимъ столомъ сидѣлъ, согнувшись, человекъ, лица котораго въ темнотѣ не было видно.

Слова замерли на губахъ Андрея Григорьевича, когда онъ

Въ Петроградской коммуны.

По фотографии.

Фальшивыя „керенки“.

Въ обращеніи, какъ извѣстно, появилось очень много фальшивыхъ денежныхъ знаковъ, подражающихъ выпущеннымъ, когда во главѣ правительства стоялъ А. Ф. Керенскій. Въ общемъ это—грубая типографскія и литографскія издѣлія, бросающіяся сразу въ глаза, но бывають и болѣе совершенныя произведенія специалистовъ-фальшивомонетчиковъ. Недавно накрыли компанію, фабриковавшую „керенки“ на весельныхъ бланкахъ, снабженныхъ, какъ и настоящія „керенки“, водными знаками. Этотъ болѣе совершенный видъ поддѣлки опредѣляется уже труднѣе.

остановился на порогѣ; въ этотъ торжественный и сладостно-жуткій мигъ свершавшейся встрѣчи душа его трепетала, почти отдѣляясь отъ тѣла.

Человѣкъ порывисто всталъ съ табурета. И онъ, и Андрей Григорьевичъ, разомъ раскрывшій объятія, бросились навстрѣчу другъ другу.

Одна рука человѣка обвила шею Андрея Григорьевича и онъ увидѣлъ въ темнотѣ на мгновеніе, какъ что то блеснуло въ другой приподнятой его рукѣ. Онъ слабо и коротко вскрикнулъ, почувствовалъ, какъ что то вошло въ его сердце, и крикъ его слился съ другимъ, такимъ же короткимъ, вскрикомъ. Взглядъ его заволокся туманомъ, и онъ уже не увидѣлъ склоненнаго

надъ нимъ лица. Но въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ еще чувствовалъ, какъ чьи то руки нѣжно сжимали его въ объятіяхъ. Потомъ его бережно опустили на полъ. Но этого онъ не почувствовалъ уже.

Нагнувшись надъ нимъ, неподвижно стоялъ Командоръ, сжимая влажный кинжалъ и, быть можетъ, мечтая догнать отлетѣвшую душу. Затѣмъ онъ взялъ у дверей угасавшій фонарь и, не оборачиваясь, вышелъ.

Глубокое молчаніе встрѣтило его. Наконецъ, одинъ сказалъ:

— Шлюпка стоитъ у скалы, Командоръ. и шкуна дожидается насъ за маякомъ. Кажется, здѣсь покончены всѣ дѣла и намъ нечего спрашивать у градоначальника разрѣшенія на выѣздъ.

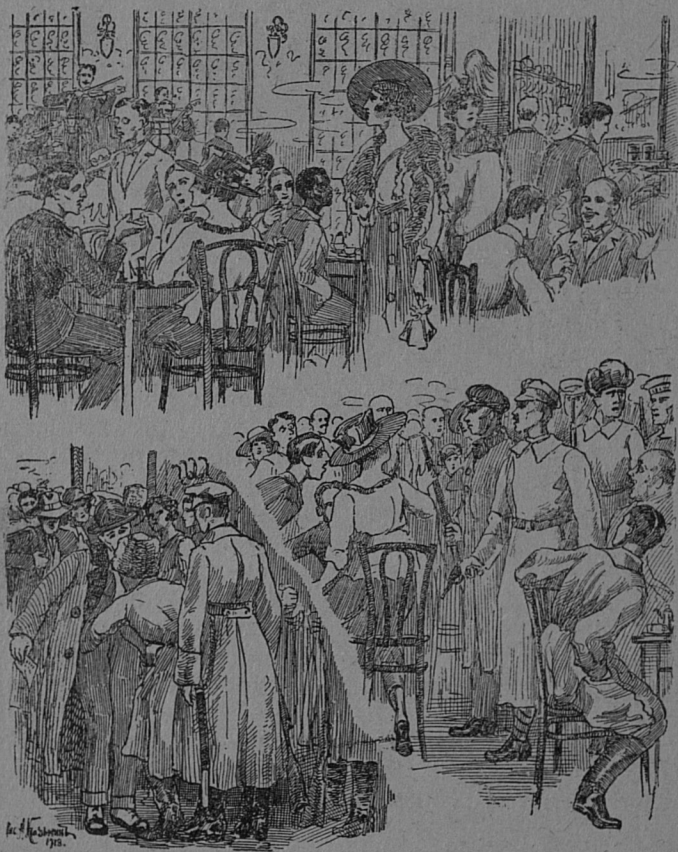
Эта острота не развеселила никого.

— Идемте, —сказалъ Командоръ и твердыми тяжелыми шагами, понатываясь слегка, направился къ выходу. Всѣ молча двинулись за нимъ.

* * *

У зеленого стола тайнаго игорнаго притона стоялъ тотъ, чье мѣсто въ жизни заступилъ на короткое время другой, и проигрывалъ ставку за ставкой. Его блѣдное лицо съ холодными сѣрыми глазами было спокойно и неподвижно, какъ во снѣ.

Магдалина Вериге.

Обыскъ въ кафѣ.

Рисунокъ съ натуры для „Огонька“ А. Козьмина.

Такіе обыски, перемежающіеся съ налетами громилъ, вовсе не рѣдкость. Конечно, ищутъ не „политическихъ“ преступниковъ, а спекулянтовъ и вообще подозрительныхъ лицъ... Хотя кто-же теперь не считается подозрительнымъ?... Каждый обыскъ вызываетъ большой переполохъ. Пропускають обыкновенно по одиночкѣ черезъ переднюю, тщательно осматривають и требуютъ удостовѣренія о личности. У кого его нѣтъ съ собою,—задерживають въпредъ до выясненія. Какъ-бы то ни было, въ нынѣшнее время полезно, выходя на улицу, брать съ собою паспортъ...

«Въ семи верстахъ отъ Перкярви. Сытно. Покойно. Нервнымъ людямъ—отдыхъ. Полное затишье. Отличные продукты. Въ день отъ тридцати пяти до сорока марокъ.

Немного. Право, пустяки. На российскую девальвированную бумажку—около ста цѣлковыхъ. Зато—молоко, масло, телятина, хлѣбъ безъ сосновыхъ опилокъ и «суглинка»...

Но недавно я огорчился, побывавъ на одной изъ станцій «Финляндки».

Пахнетъ карболкой. На носилкахъ—парусина въ жидкой, запекшейся по краямъ крови.

Несутъ стонущаго, полумертваго. Кто онъ: «Бѣло» или «Красно»?

Во всякомъ разѣ—онъ «гвардеецъ», а цвѣтная приставка—человѣкъ съ истерзанными нервами нисколько не интересуется.

Хочется въ глубь сосноваго смолистаго лѣса забиться и по медвѣжьимъ сосать лапу, предварительно, впрочемъ, окунутую въ сливки.

А тутъ—война. Жестокая братоубийственная, бѣло-красная, краснобѣлая война.

Богъ съ ней съ дачно-междоусобной страной. Тамъ цѣльное молоко дымитъ розовымъ паромъ. Паромъ крови! Богъ съ ней!...

* * *

Ораніенбаумъ. Только что прикатилъ поѣздъ.

рысью съ молодой здоровой удаляю несутся въ сторону прокопченныхъ лебедокъ и трубъ надъ финскимъ взморьемъ.

Куда они? А вонъ надъ водой, во

«...Несутъ стонущаго, полумертваго. Кто онъ: «Бѣло» или «Красно»?...

болтается пароходикъ. На этомъ пароходикѣ вся эта разношерстная гурьба перекинется на тотъ берегъ.

Вонъ виденъ дымно-палевый, весь воздушный Кронштадтъ, оттороченный пунктирной чертой дыма изъ броненосныхъ трубъ.

Сюда ѣдутъ подкормиться, такъ какъ боязно ѣздить въ Ораніенбаумъ, въ Гатчину, гдѣ буйство еще въ полномъ разгарѣ.

Въ «Дѣтскомъ» Селѣ, какъ отнынѣ собираются наименовать Царское,—эпидемія, грязь, отвратительная мерзость запустѣнія. Ёдутъ въ «дачный» Крон-

Павловскъ. Уютный лабиринтъ дорожекъ въ ржавыхъ листьяхъ. Облетѣли цвѣты. Догорѣли золотые огни.

Павловскъ умираетъ.

Будетъ музыка. Симфонія по постановленію павловскаго сряда.

Звонко пошелкиваютъ молотки плотниковъ. Вездѣ легкій ажуръ обрѣшетовки. Курзалъ подчищается.

По кругомъ влажный вѣтеръ разноситъ золото окаменѣлыхъ листьевъ—и шуршитъ, шуршитъ: печальная элегія, словно флейта за боскетами павловскими наигрываетъ.

Старый міръ рухнулъ. Напудренные тѣни въ мушкахъ, золотыя стрѣлки каретъ, помѣщичій сытый ампиръ, помѣсь казенщины, «эгранжеристости», чванной надутости и чарующаго, простого, натурального изящества.

Новый Павловскъ для новыхъ концертовъ оживетъ скоро.

По этимъ затѣйнымъ дорожкамъ зашмурываетъ ботфортами новая толпа. Густая пелена забвенья, сотканная изъ шелухи подсолнышковъ, укутаетъ загадочный ликъ стараго мѣста, гдѣ въ легкой толпѣ скользили тѣни пушкинскихъ львовъ, мудрецовъ и повѣсь съ байроновской складкой у губъ...

* * *

Огромная толпа хлынула не по ступенямъ внизъ, въ городъ, а по насыпи, ведущей къ тупику. Шинельные люди, дамы, дѣти и горничныя въ весеннихъ «букетныхъ» платкахъ и съ плоен-

штадтъ, хотя недавно тутъ ограничили время пребывания пріѣзжихъ, чтобы не объѣдали коренное населеніе. Посреди Кронштадта «Гостинный дворъ»—«дачная» приманка. Торгуется гостинный не канифасомъ и парижскими зонтиками да шведскими перчатками, а телятиной, прекраснымъ мясомъ, сметаной. И все дешево. Сравнительно, конечно.

Значить, «дача» будетъ тутъ. Дачное мѣсто.

Въ копотѣ дредноутовъ. На «дачѣ» играетъ не берестяная незамысловатая дудка пастуха, а свистокъ боцмана, вызывающаго на уборку палубы. Дома; камень; пыль.

Тоже «дача»...

«... Вонъ виденъ дымно-палевый, весь воздушный Кронштадтъ...»

«... Пустой сезонъ будетъ...»

«... Курзалъ подчищается...»

ными наголками на открытыхъ веселыхъ прическахъ—мелкой кавалерійской

Двадцать паръ поѣздовъ по каждой дачной линіи. На-дняхъ они побѣгутъ

* * *

во все стороны. Но, надо полагать, что отважных дачников, в стиле эма-

— В Село!—Хотели в Павловск, а едем в Село?

— Почему так?

— А вот их спросите, извозчиков.

Бородач поворачивает ко мне ленивый глаз и неожиданно произносит нечто нежное:

— А корма, барин, дороги нынче?

— Я не о кормах спрашиваю, а почему в худшее место едут?

— Да, вить, в Павловск я с воза беру все четыре бумажки, а в Село всего-навсего двести пятьдесят.

— Почему такая разница?

— А очень просто. Из Павловска никого в обратный путь не беру, не бегут... Чистое место тише, чем в Селѣ. Вот мне и

— Очень просто. Сказать бы им, что продукты запасены. Пуцай на продукты ездют.

— Так вот беда. Никаких продуктов привезим не хотят по нормам отпускать. Грозят, что никаких карточек им не выдадут.

— Я же и говорю. Все равно ничего не дадут. Пуцай тогда больше обещают. Обещать-то не жаль, коли в одном кармане мучной купон на аркан, а в другом втер свистеть.

— Вот, вот, — лизая от выдумки подхватывает другой дворник и каннибалски щерит челюсть, — привезут, заплатят за месяц вперед, перевезутся, а там, есть что кушать, али нечего, а подневозно просидеть до конца. За воз три катеньки надо трянуть...

— Ха ха! * * *

Дачный сезон проваливается. Надежда на подножные корма рухнула.

«...Скрипит, как половецкая телега, воз...»

ровских «глобтотеров» не много сыщется. Причина тому проста. Боязно!

Опасно одичалую деревню посещать. В столицу все вошло в «обиход», и, если стреляют, это производит такое же впечатленье, точно стѣнные часы с благодушной хрипотцой отщелкивают свое положенное время. В новом месте и к выстрелам, к взвроподобию как-то трудней привыкать.

Покатался я взад и вперед в пустых вагонах. Как призрак, как темное навождение схлынула орда, бросившая и бившая все в вагонах.

Теперь окна насквозь пустотой и весенним привѣтом солнышка сквозят.

На скамьях пыль. Слово на них нивѣст когда сидѣли.

Кондуктор сонно бродит из вагона в вагон; и со скукой изрѣдка пощелкивают своими стальными челюстями компостеры контролеров и «оберов».

За окном бѣгут лимфатическія, блѣсыя дюны.

Кондуктор остался около меня и говорит: — Пустой сезон будет. А пуга, рискни

нос высунуть за Приморскій вокзал... * * *

Скрипит, как половецкая телега, воз.

Сзади идет кухарка, прижимая к груди дрожащего пинчера.

Спрашиваю, придерживая велосипед. — Куда?

убыток: порожняком ѣхать. А из Села беззастѣнливо кого нибудь подцѣплю. Вот и заработок.

— Куда же из Села едут?

— А в Петроград.

— А из Петрограда в Село?

Кухарка, прижимающая скулящего урод-пинчера, заливается лукавым смѣхом:

— Так вот же. Баре—извѣстно! Съ жиру!

Ох, съ жиру-ли? Съ карточного жиру пожалуй не взбѣсишься.

* * *

Пустынная улица. В небѣ чернѣют скворешницы. На всех заборах подмазанных красной, розовой и сиреневой свѣжей краской — билетки: «Отдается в наем».

— Черта пухлаго нонче отдать в наем!—скрежещет тупыми, как телячье копыто, ногтями в затылок дворник.

Как выморочное сельцо, из которого дворовых перевел помѣщик на новое сельбище

«... А корма, барин, дороги нынче?...»

Всюду нехватка, озлобление, террор, разливанное море человеческой злости и глупости.

А небо так нѣжно и призывно сияет. И птички насвистывают. И буко-

лически стекают подворотню по мойке ручейки.

Будем сидѣть под штерским окошечком и ждать пока из палой клячи, по слову Базарова, лопух вырастет. Сварим себя из этого лопуха ща-

велевый суп и приправим яйцом по купону месяца мартабря.

Чѣм не «дача» будет? Расчудесно!..

Авгурь.